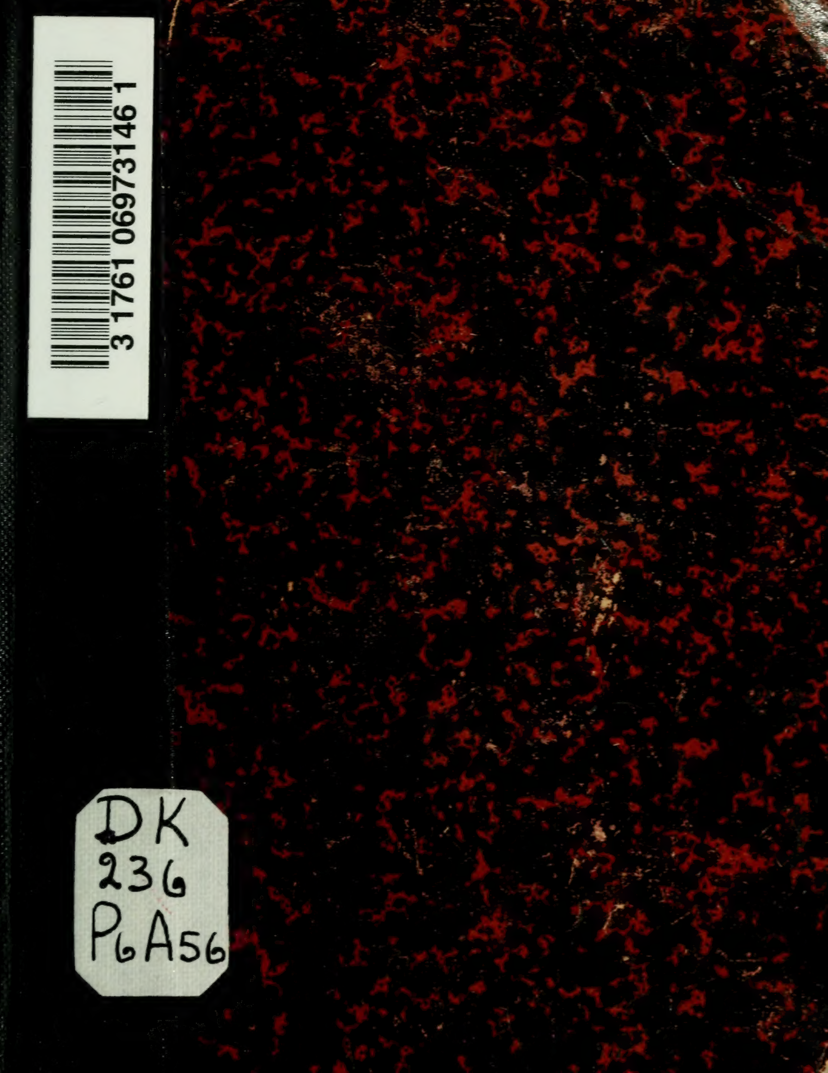

3 1761 06973146 1
DK
236
P6A56

VELUT ARBOR ÆVO

А. АМФИТЕАТРОВЪ

и

Е. АНИЧКОВЪ

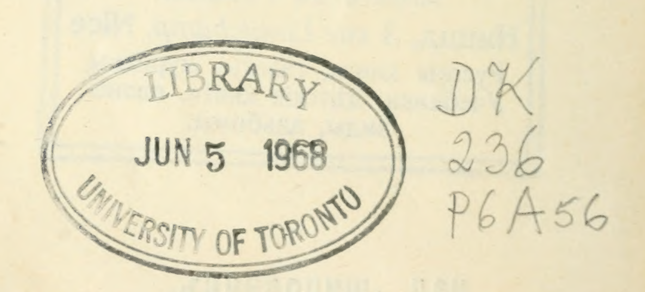
ПОБѢДОНОСЦЕВЪ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ»

1907

Товарищество «Вольная Типографія». Фонтанка, 94.

ОТЪ АВТОРОВЪ.

Предлагаемые здѣсь два очерка исходятъ изъ стана непримиримыхъ враговъ Побѣдоносцева. Они написаны не sine ira et studio. Отнюдь. Оба автора очерковъ глубоко убѣждены въ томъ, что Побѣдоносцевъ всей своей дѣятельностью не только принесъ огромный вредъ Россіи, но и еще какъ-бы воплотилъ въ себѣ цѣликомъ все то ужасное зло, которымъ страдала Россія и которымъ она продолжаетъ страдать и теперь.

Авторы этихъ очерковъ поставили себѣ цѣлью заклеймить Побѣдоносцева, указать хоть часть содѣянныхъ имъ преступленій

передъ родиной и освѣтить его личность съ точки зрѣнія пагубности всей его дѣятельности. Его мысли и его чувства враждебны тѣмъ воззрѣніямъ, какія исповѣдуютъ оба автора. Между тѣми и другими невозможно никакое примиреніе. Признаніе злыми и преступными всѣ убѣжденія и всѣ поступки Побѣдоносцева составляетъ самую сущность міросозерцанія, вызвавшаго къ жизни эти очерки. Тутъ нечего вновь переоцѣнивать, нечего вновь передумывать. Преступность Побѣдоносцева представляется здѣсь аксіомой, основнымъ принципомъ.

И очерки эти должны были выйти при жизни Побѣдоносцева. Простое типографское замедленіе заставило ихъ выйти нѣсколько позже, и за время этого невольнаго замедленія Побѣдоносцевъ умеръ. Оттого эти очерки не посмертный отзывъ. Но смерть Побѣдоносцева не должна была остановить ихъ выхода въ свѣтъ. Если дѣло идетъ въ

нихъ и о личности, то личность эта вызываетъ къ себѣ интересъ только, какъ носительница извѣстнаго принципа. Принципъ же этотъ—увы!—не умеръ вмѣстѣ съ Побѣдоносцевымъ, и съ нимъ все еще необходима борьба, непримиримая и упорная.

А. АМФИТЕАТРОВЪ

ПОБѢДОНОСЦЕВЪ, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ И КАКЪ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДѢЯТЕЛЬ

ПОБѢДОНОСЦЕВЪ

Написать эти тринадцать буквъ, сливающихся въ сочетаніе, столь роковое и несчастное для русскаго народа, очень легко.. Но—дальше-то что же?

Когда я взялся сдѣлать характеристику г. Побѣдоносцева въ его политической, общественной и литературной дѣятельности, задача представлялась мнѣ весьма простою. Настолько же, если, пожалуй, еще не проще, какъ описать гранитъ Александровской колонны или гранитныя тумбы рѣшетки въ саду при Зимнемъ Дворцѣ—этотъ верхъ безвкусія и раззолоченной аляповатости, опла-

ченныхъ милліономъ рублей. Съ именемъ г. Побѣдоносцева въ воображеніи русскаго человѣка сливается представленіе такой опредѣленности, прямолинейности, жестокой, именно гранитной устойчивости, что—казалось бы—съ этимъ нагляднымъ и осязательнымъ, недвижнымъ матеріаломъ—труды не велики и возня недолгая: наставилъ фотографическій аппаратъ—хлопъ—и снимокъ готовъ. Но тутъ-то и начинаетъ Побѣдоносцевъ озадачивать своего изобразителя. Проявляешь негативъ, а на немъ—вмѣсто ожидаемой прямолинейно-гранитной фигуры—ничего. Ну, какъ есть ничего! Пустое пространство, даже безъ мутныхъ пятенъ, какія получаютъ спириты, фотографируя матеріализованные призраки. И такъ-то — не разъ, не два, а постоянно, съ различныхъ сторонъ и при всевозможномъ освѣщеніи. Эта загадочная неуловимость, въ сочетаніи съ наглядною, казалось бы, простотою на-

смѣшливо не дающихся формъ, производитъ въ концѣ концовъ впечатлѣніе почти суевѣрное. Точно подъ вашимъ аппаратомъ стоялъ не благочестивый оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, отставной de jure, но донынѣ, такъ сказать, архи-прото-оберъ-прокурорствующій de facto, а какой-либо, не къ ночи будь сказано, нечистый духъ, вродѣ домового или лѣшаго. И того и другого любая деревенская баба изъяснитъ вамъ весьма краснорѣчиво и живописно въ массѣ анекдотовъ, легендъ и сказокъ, очень характерныхъ и, казалось бы, вполнѣ опредѣлительныхъ. Но—когда вы спрашиваете бабу: а каковъ онъ, лѣшій?—она, понятное дѣло, становится въ тупикъ и отвѣчаетъ вамъ невразумительнымъ лепетомъ:—«повыше лѣса стоячаго, пониже облака ходячаго», «одна ноздря, а спины нѣтъ», «лѣшій любитъ въ банѣ париться», «лѣшій—онъ къ себѣ дѣвокъ уводитъ» и т. д. Нельзя не сознаться

съ печальною откровенностью, что сужденіе русской публики о г. Побѣдоносцевѣ, управляемое больше инстинктомъ, чѣмъ знаніемъ, въ значительной степени сводится къ подобной же фантастикѣ. Какъ въ домовомъ и лѣшемъ для бабы, такъ въ г. Побѣдоносцевѣ—для публики—нѣтъ лица. Есть миѳъ, который, чтобы быть воплощеннымъ, требуетъ фантазіи и творчества художниковъ, а средства точнаго знанія и механическаго воспроизведенія надъ нимъ, покуда, безвластны. Поэтъ, живописецъ, скульпторъ, музыкантъ могутъ вообразить и изобразить лѣшаго—до впечатлѣній, почти подобныхъ реальности. Но аппаратъ фотографа, направленный на лѣшаго по указанію какой-либо галлюцинирующей бабы, воспроизведетъ только деревья и кусты, среди которыхъ ей чудится лѣшій. Такъ и біографія Побѣдоносцева даетъ разочарованному въ ожиданіяхъ русскому обществу совсѣмъ не самого

Побѣдоносцева, но лишь пассивную обстановку, среди которой жилъ и дѣйствовалъ Побѣдоносцевъ. Самъ же Побѣдоносцевъ,— эта нелѣпая галлюцинація, этотъ дикій кошмаръ русской исторіи,—изъ нея исчезаетъ. Иванъ Антоновичъ Расплюевъ увѣрялъ полицейскаго надзирателя, что—«я... я такъ, я безъ фамиліи». Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ могъ бы съ еще большимъ правомъ утверждать, что онъ «безъ біографіи». Расплюевъ божился, что у него «вмѣсто фамиліи—такъ». Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ можетъ хоть присягу принять, что у него вмѣсто біографіи, послужной списокъ. Въ своей библіотекѣ я нашелъ не менѣе двадцати книгъ, повторяющихъ имя Побѣдоносцева съ проклятіями или лестью, но, въ концѣ концовъ, ни проклятіями, ни лестью фантомъ не перерабатывается въ фигуру, и, прочитавъ о Побѣдоносцевѣ двадцать книгъ, я знаю о немъ положительно только

то, что говоритъ «Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Эфрона», и для чего не стоило перелистовать двадцать книгъ.

«Побѣдоносцевъ (Константинъ Петровичъ)—извѣстный юристъ и государственный человѣкъ, Д. Т. С., статсъ-секретарь, родился въ Москвѣ въ 1827 году. По окончаніи курса въ училищѣ правовѣдѣнія поступилъ на службу въ Московскіе департаменты сената; въ 1860—1865 г.г. занималъ кафедру гражданскаго права въ московскомъ университетѣ; въ то же время состоялъ преподавателемъ законовѣдѣнія великимъ князьямъ Николаю Александровичу, Александру Александровичу, Владимиру Александровичу, а позднѣе и нынѣ царствующему Государю Императору. Въ 1863 г. сопровождалъ покойнаго наслѣдника цесаревича Николая Александровича въ его путешествіи по Россіи, которое описалъ въ книгѣ: «Письма о путешествіи Наслѣдника Цесаревича по Россіи отъ Петер-

бурга до Крыма (СПБ. 1864)». Въ 1865 г. назначенъ членомъ консультаціи министерства юстиціи, въ 1868 г. сенаторомъ, въ 1872 г. членомъ государственнаго совѣта, въ 1880 г. оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода; эту должность онъ занимаетъ и до сихъ поръ. Состоитъ почетнымъ членомъ университетовъ московскаго, петербургскаго, св. Владиміра, казанскаго и харьковскаго, а также членомъ французской академіи».

Вотъ и все.

Побѣдоносцевъ—политическая сила, но гдѣ отвѣтственные политическіе акты, открыто утвержденные его именемъ?

Побѣдоносцевъ—общественное пугало, но гдѣ открытыя общественныя выступленія, заслужившія ему его ужасную репутацію?

Побѣдоносцевъ — ученый, но его ученая карьера давно поросла травою забвенія. Гдѣ данныя, на чемъ основаны его права на званіе почетнаго члена стольких университе-

товъ и академій? Кто помнитъ науку Побѣдоносцева? Кто съ нею считается?

Побѣдоносцевъ — литераторъ. Передо мною—цѣлая куча его литературныхъ произведеній. Но онъ имѣетъ достаточно добросовѣстности, чтобы не считать ихъ своими произведеніями. Въ огромномъ большинствѣ страницъ это просто выборки изъ прочитанныхъ книгъ, преимущественно старинной литературы, подъ которыми сочувствующій Побѣдоносцевъ ставитъ свой бланкъ, какъ бы министерски контрасигнируя суверенитетъ признаваемой имъ идеи. На обложкахъ своихъ книгъ Побѣдоносцевъ обозначается не какъ авторъ, но лишь какъ издатель. Впередъ выставляются Бэконъ, Эмерсонъ, Лилли, а самъ Побѣдоносцевъ, какъ всегда и всюду, остается въ тѣни ихъ фигуръ и ловко движетъ ихъ мыслями и словами, будто военными машинами. Онъ заставляетъ безотвѣтныхъ мертвецовъ рабо-

тать на свою волю совершенно такъ же, какъ привыкъ онъ жонглировать волями разныхъ высокопоставленныхъ живыхъ, сотнями плясавшихъ по его дудкѣ въ теченіе пятидесяти лѣтъ, что карьера Побѣдоносцева переплелась съ судьбами русской имперской культуры.

Скажи мнѣ, что ты читаешь,—это все равно, что скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ,—и я скажу тебѣ, кто ты. Увы! Нѣтъ правила безъ исключенія, и на Побѣдоносцевѣ эта старинная сентенція терпитъ крушеніе полнѣйшее. Отошедшимъ изъ міра людямъ, которыхъ хорошо зналъ Побѣдоносцевъ и счелъ своимъ долгомъ справить по нимъ тризну, посвящена имъ цѣлая брошюра «Вѣчная Память». Нѣкоторыхъ Побѣдоносцевъ даже уважалъ и какъ будто любилъ, поскольку онъ, въ своей почти цинической надменности засушеннаго бюрократа, вообще способенъ любить и уважать другого человѣка.

Съ жадностью ищешь въ этой книгѣ утерянныхъ симпатій хоть какого-нибудь ключа къ запертой душѣ Побѣдоносцева. Ничего! Точно—вмѣсто души, какъ у кота, паръ! Ни одной непосредственной мысли, ни одной искры живого пылкаго чувства,—все мертвыя схемы, облеченныя въ реторику допотопнаго Карамзинскаго слога, пустота общихъ мѣстъ, одобренныхъ ловкими цитатами и академическимъ подборомъ громкозвучныхъ текстовъ изъ священнаго писанія, отцовъ церкви, духовныхъ ораторовъ. Все—заказныя надписи на повапленныхъ гробахъ!

Грубая семинарская цитата, любимое орудіе «элоквенціи профессорства»,—вотъ альфа и омега фальшиваго, надутаго, кабинетно придуманнаго и высиженнаго лже-литераторства Побѣдоносцева. Хочетъ человѣкъ написать, что—вотъ, была хорошая женщина, а пишетъ: «память ея да будетъ съ похвалами». Хочетъ выразить, что было мнѣ грустно

проводить тѣло такого-то въ могилу, а пишетъ: «Яшася врата плачевныя». И—ни капли искренности, ни капли чувства, ни звука правды. Все — мертвая реторика формъ, не согрѣтая ни искрою сердечнаго тепла, все—буквы, не освященныя ни отблескомъ духовнаго содержанія, казенная фальшъ, нагло вѣрующая, что—cuculus facit monachum: надѣлъ мундиръ, будутъ тебя за начальство держать!

Эти безконечныя цитаты, эта ужасная привычка говорить тяжеловѣсными глаголами чуть не допотопныхъ мертвецовъ дѣйствуютъ на свѣжаго читателя необычайно тяжело—дурманомъ какимъ-то. Какой это авторъ? Какой литераторъ? Это—просто экспропріаторъ заплесневѣлыхъ библіотекъ. Съ тоскою слѣдишь строку за строкою, страницу за страницею. Ну, — вотъ Бэконъ, вотъ Эмерсонъ, вотъ Керлейль... вотъ—ахъ, скажите, пожалуйста!—даже Гербертъ Спенсеръ. Но—Побѣдоносцевъ-то, Побѣдоносцевъ-то—гдѣ

же? Гдѣ его мысль? Гдѣ его личность? Довольно гробокопательства, довольно разграбленныхъ могилъ, довольно глубокомыслія, заимствованнаго у покойниковъ, собирающихся въ лунную полночь на Вестминстерскомъ кладбищѣ поговорить о человѣческихъ дѣлишкахъ. Хоть на минутку покажите, что у васъ есть свои мысли, слова, чувства, себя покажите—живого себя!

Побѣдоносцевъ не внемлетъ, но—знай—нижетъ, нижетъ и нижетъ свои нагроможденія отжившей мысли, будто тотъ огромный скелетъ, что въ Базелѣ ведетъ за собою, играя на скрипкѣ, безконечный danse macabre—Пляску Смерти. Мертвая окрошка изъ отголосковъ большой и помѣстительной памяти, похожей на сиракузскія катакомбы—неистощимый запасъ костяковъ, одѣтыхъ въ монашескія рясы и поставленныхъ либо повѣшенныхъ стоять въ затхломъ подземельи, будто, и впрямь, живые люди.

Побѣдоносцевъ — «большой государственный человѣкъ». Онъ — то, что Лѣсковъ называлъ «худороднымъ вельможею», но уже не «кутейникъ», не «колокольный дворянинъ», онъ—баринъ, аристократъ. Кутейничество, колокольное дворянство, корень и печать племени Левитова, остались гдѣ-то далеко позади. Какъ у щедринскаго Порфиши Велентьева, у Побѣдоносцева «предстоянiе алтарю» — дѣло нѣсколькихъ уже угасшихъ, восходящихъ поколѣнiй. Но странное дѣло!—атавистическое влiянiе логики и житейскихъ прiемовъ этихъ левитскихъ поколѣнiй живетъ и сквозитъ въ Побѣдоносцевѣ, ихъ выродкѣ, съ такою сильною выразительностью, будто онъ самъ еще воспитывался въ ужасной «Бурсѣ» Помяловскаго и перешелъ къ государственному кормилу прямо отъ ея коростовой среды и схоластической зубрежки. Точно еще вчера издѣвался надъ нимъ Ливановъ и свирѣпый

Батька выдиралъ съ его черепа волосы. Точно еще вчера заставляли его, «шутки ради», писать отвлеченныя доказательства, pro — во славу графина съ водкою, а когда профессоръ, тѣмъ временемъ, водку выпьетъ, то, обратно, contra — во славу пустого графина, но съ одинаковымъ изяществомъ и равною убѣдительностью. Побѣдоносцевъ весь—семинарская мысль, облеченная въ семинарское слово, комбинированная въ семинарскій внѣшній и наглый софизмъ. Онъ—ходячая дисциплина рясы, никогда не бывшей и не желающей быть нешвеннымъ хитономъ, зато отлично понявшей, что она—государственный мундиръ. Подъячій переплелся въ немъ съ псаломщикомъ такъ тѣсно, что не разобрать, гдѣ кончается одинъ и начинается другой. Священное Писаніе, молитвы, богослуженіе— все это для побѣдоносцевскаго формализма лишь собраніе комментаріевъ «отъ божественнаго» къ первому тому Свода Законовъ.

— Попъ! Попъ! — бранили когда-то Сперанскаго недовольные имъ масоны, — написалъ себѣ въ законахъ, что у насъ—православіе, и дальше ни знать, ни понимать ничего не хочетъ.

Сравнивать Побѣдоносцева съ гуманнымъ и мягкимъ Сперанскимъ обидно для памяти послѣдняго, но, при всѣхъ видовыхъ различіяхъ, у нихъ была общая родовая черта, воспитанная семинарскою ферулою: способность умозрительно «написать въ законахъ» и, единовременно, такъ прочно увѣровать въ святость и непреложность написаннаго, что всѣ усилія и напоры жизни уже не въ силахъ премѣнить ни одной іоты въ діалектически выношенномъ рукописаніи. Побѣдоносцевъ додумался, что Богъ—въ буквѣ, а не въ духѣ, и обоготворилъ букву, и поставилъ ее выше всего на свѣтѣ, и жестоко мстилъ, мститъ и будетъ мстить, покуда живъ, всѣмъ, кто не согласенъ съ боже-

ственностью его буквеннаго бога, кто дерзаетъ почитать іоты премѣнимыми. Нѣтъ житейскихъ отношеній, нѣтъ нравственныхъ запросовъ и напряженій, отъ которыхъ этотъ человѣкъ не умѣлъ бы отдѣлаться, — какъ послѣднимъ зажимающимъ всякій ротъ, прекращающимъ всякую дискуссію аргументомъ,—катехизаторскимъ текстомъ изъ Священнаго Писанія или цитатою изъ какого-либо церковнаго элоквента, удостоеннаго отъ Побѣдоносцева быть признаннымъ за авторитетъ. Характерная особенность, замѣтьте ее себѣ на память: Побѣдоносцевъ почти никогда не цитируетъ Евангелія. Развѣ это не знаменательно? Ниже мнѣ еще придется говорить о его распрѣ съ этою книгою. Сейчасъ достаточно лишь отмѣтить эту странность. Христосъ, Шекспиръ и Пушкинъ — великая тройственная симфонія мысли—вотъ три живыя силы, отъ которыхъ мертвая мысль Побѣдоносцева уклоняется, съ поз-

воленія вашего сказать, какъ чортъ отъ ладана. Право, иногда Побѣдоносцевъ цитатами своими напоминаетъ мнѣ того легендарнаго кіевопечерскаго инока, который, по дьявольскому обольщенію, сдѣлался необыкновенно ученъ и начитанъ въ Писаніи, — только братія примѣтила вскорѣ, что онъ силенъ лишь въ предѣлахъ Ветхаго Завѣта, а какъ до Христа дошелъ, такъ и споткнулся. Ну, и уразумѣли, что «бысть сіе ему не отъ ангеловъ свѣта, но отъ лукаваго». Либо — другая параллель—какого-нибудь гнусаваго святошу Абакука изъ эпохи пуританизма. Побѣдоносцевъ ненавидитъ протестантизмъ, но въ своемъ цитаторскомъ усердіи и краснорѣчіи онъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на тѣхъ «круглоголовыхъ», которые двѣсти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ рѣшали государственныя судьбы Англіи стихами, вродѣ «И истребилъ Господь Амалика», «И заклалъ ихъ Илія при жертвенникахъ ихъ» и т. п.

Но «круглоголовость» модернировалась въ Побѣдоносцевѣ еще тою мертвенно-застойною и архи-буржуазною чертою, которую Диккенсъ высмѣялъ въ англійскомъ обществѣ, подъ названіемъ «подснаповщины»—отъ имени мистера Подснапа, дѣйствующаго лица въ «Нашемъ Общемъ Другѣ», прославленнаго завидною способностью «перекидывать черезъ плечо» каждый общественный вопросъ, который ему не нравится, какъ не существующій вовсе. Читая Побѣдоносцева, вы часто опускаете книгу въ изумленіи: гдѣ пишетъ этотъ человѣкъ? въ какомъ вѣкѣ онъ пишетъ? для кого онъ пишетъ? Въ немъ есть извѣстныя отвлеченныя—и весьма кислосладкія—азбучныя пониманія абсолютнаго добра; но—сопряженныя съ таковыми, практическія осуществленія ему ненавистны. Онъ въ состояніи сентиментально вообразить себѣ учительницу, самоотверженно голодающую въ сельской школѣ во имя просвѣщенія на-

роднаго, и вчужѣ умилиться идеальнымъ священникомъ, вродѣ героя Потапенкова «На дѣйствительной службѣ». Но, встрѣтясь съ этими фантомами не въ фантазіи литератора или въ собственномъ своемъ кейфующемъ воображеніи, онъ, сановный мистеръ Подснапъ на оберъ-прокурорскомъ посту, безцеремонно перекидываетъ ихъ черезъ плечо первымъ пришедшимъ въ его семинарскую память текстомъ—и перекидываетъ съ такою энергіей,—что, глядишь, трогательная учительница упала гдѣ-нибудь въ Якутской губерніи, а умилительный священникъ — въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ.

Если исключить изъ воспоминаній Побѣдоносцева фигуру в. кн. Елены Павловны, главную общественную заслугу которой: энергическое участіе въ освобожденіи крестьянъ онъ, однако, обошелъ съ кислою улыбкою, почти молчкомъ, — то всѣ симпатіи этого

человѣка оказываются связанными съ людьми, проклятыми въ исторіи русской цивилизаціи, съ демонами и служками самыхъ мрачныхъ реакціонныхъ эпохъ и дѣлъ. Но какая сладостная метаморфоза! Читая Побѣдоносцева, неизмѣнно убѣждаешься, что реакцію на Руси всегда дѣлали исключительно ангелы во плоти. Отъ большихъ—до малыхъ. Одинъ изъ самыхъ восторженныхъ некрологовъ своихъ Побѣдоносцевъ посвятилъ нѣкой г-жѣ Шульцъ—«дамѣ-патронессѣ», отдавшей себя воспитанію и образованію дѣвицъ духовнаго званія, начальницѣ соотвѣтственнаго, знаменитаго въ своемъ родѣ, учебнаго заведенія въ Царскомъ Селѣ. Воспитательные пріемы г-жи Шульцъ были совершенно въ духѣ и во вкусѣ Побѣдоносцева: она осуществила его идеалъ духовной женской школы. Ну, и, конечно, какъ водится, «память ея да будетъ съ похвалами», и для нея тоже «яшася врата плачевныя». Но, загля-

нувъ въ «Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи», вы легко убѣдитесь, что, если для кого, дѣйствительно, «яшася врата плачевныя», — и сколько, сколько разъ! — то, увы, не для г-жъ Шульцъ, почетно, сытно и спокойно доживавшихъ подъ покровительствомъ Побѣдоносцева до восьмидесяти лѣтъ, въ чудесной пенсіонной обстановкѣ, но для воспитанницъ, имѣвшихъ несчастіе попадать въ лапы ихъ тяжелаго лицемѣрія. Вотъ аттестація русскимъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ для дѣвицъ изъ духовнаго званія, выданная никѣмъ другимъ, какъ ярославскимъ архіереемъ:

— Воспитанницы нерѣдко оставляютъ заведеніе съ полуразстроенною грудью, и многіе священники жалуются, что, взявъ невѣсту изъ воспитанницъ духовнаго училища, они подвергли черезъ то себя раннему вдовству или угрожаются имъ.

Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ физическая забитость воспитанницъ изъ духовныхъ училищъ получила настолько дурную огласку, что, «несмотря на заботы императрицы о томъ, чтобы воспитанницы, по окончаніи курса, выдавались замужъ, эта цѣль не достигалась; митрополиты и преосвященные, прилагавшіе всѣ старанія къ выполненію такой задачи, постоянно говорили въ своихъ донесеніяхъ императрицѣ о встрѣчаемыхъ ими въ этомъ затрудненіяхъ». Тѣмъ не менѣе, г. Побѣдоносцевъ въ 1882 году покрылъ эту медленную педагогическую бойню дѣвушекъ, эту «фабрикацію взрослыхъ ангеловъ», своимъ оберъ-прокурорскимъ авторитетомъ, признавъ за женскими духовными училищами — во всеподданнѣйшемъ отчетѣ—«общегосударственное значеніе». Мистеръ Подснапъ въ оберъ-прокурорскомъ мундирѣ перекинулъ через плечо сотни туберкулезныхъ труповъ и выдалъ

похвальные листы синодальнымъ фабрикантамъ и фабрикантшамъ взрослыхъ ангеловъ, начиная съ царскосельской оберъ-фабрикантши ихъ, покойной m-me Шульцъ.

Вотъ еще—умиляющій сердце Побѣдоносцева—любезный ему покойникъ: Ильминскій. Tanto nomini nullum par elogium! Назовите это имя при мало-мальски образованномъ мусульманинѣ русскомъ, и вы увидите, что онъ либо поблѣднѣетъ, либо скроитъ такую гримасу, будто увидѣлъ дьявола на яву. Этотъ Ильминскій довелъ заволжскихъ татаръ до такого ужаса къ миссіонерству своему, что былъ косвенною причиною знаменитаго колокольнаго бунта въ Казанской губерніи, при губернаторѣ Скарятинѣ. Этому послѣднему вздумалось воздвигнуть по всѣмъ деревнямъ и селамъ столбы съ колоколами—такъ сказать, вѣчевыми: для созыва крестьянъ на сходъ. Въ русскихъ деревняхъ посмѣялись и приняли колокола, но въ татарскихъ,

чувашскихъ и пр. взялись за колья. Потому что—говорятъ:

— Это Ильминскій къ намъ ѣдетъ—мечети ломать и насъ въ христіанскую вѣру крестить.

И вотъ маленькаго Торквемаду, доведшаго милліонное иновѣрное населеніе до такого трепета къ миссіонерскому фанатизму, что одной мысли о новомъ наѣздѣ его уже достаточно, чтобы вспыхнулъ бунтъ, — Побѣдоносцевъ возводитъ въ идеалъ христіанско-государственнаго дѣятеля. «Я не разъ говорирръ графу Д. Толстому,—хвастается онъ,—что считаю самою крупною его заслугою предъ Россіей то, что онъ угадалъ, оцѣнилъ и поддержалъ Ильминскаго». Ну, еще бы! Les beaux esprits se rencontrent!.. Быть благословеннымъ отъ Дмитрія Толстого и заслужить хвалебный некрологъ отъ Побѣдоносцева—стать третьимъ въ этомъ союзѣ государственныхъ Дамона и Пиѳія, alias Удава

и Дыбы—какой еще аттестаціи надо человѣку? И,—какъ всѣ пріятные Побѣдоносцеву городовые отъ религіи,—этотъ креститель «огнемъ и мечемъ», чье имя заставляло темныхъ татаръ разбѣгаться по лѣсамъ, прятаться по оврагамъ или браться за колья, оказывается въ некрологѣ фигурою идиллическою, чуть не изъ карамзинской «Бѣдной Лизы»... Онъ любилъ птичекъ хоры, ручейки, зелень молодого деревца... молочко, овечку...

Одинъ изъ наиболѣе реальныхъ ужасовъ побѣдоносцевскаго бытія и вліянія на Россію заключается въ томъ, что онъ талантливъ находить своихъ «людей»—выпустошенныя души, способныя въ совершенствѣ осуществлять его выпустошенныя идеи и планы—и въ совершенствѣ же умѣетъ такими живыми машинами пользоваться. Какая-нибудь Шульцъ, какой-нибудь Ильминскій, какой-нибудь Калачовъ—это все резер-

3*

вуары для сукровицы побѣдоносцевскихъ мыслей, изъ которыхъ черезъ десятки рабски послушныхъ врановъ, расползалась она потомъ по Россіи, чтобы гноить ее отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды. Ни въ государствѣ, ни въ религіи Побѣдоносцевъ ни разу не сумѣлъ возвыситься даже до того жиденькаго и реакціоннаго, націоналистически-земскаго идеала, что воплощало собою московское славянофильство, къ которому Побѣдоносцевъ постоянно навязывалъ себя въ поклонники и сторонники, но — напрасно. Грубая фигура Ивана Аксакова сильно исчернена реакціонными пятнами, но это былъ, даже и въ реакціи, человѣкъ честный, не доносчикъ, не холопъ, не выгодчикъ, не сыщикъ, не «чего изволите» барскаго крыльца, а, главное, не подъячій и не опричникъ. И, хотя Побѣдоносцевъ присосался и къ его памяти, какъ нѣкая хвалебная піявка, но—такъ Булгаринъ

называлъ себя другомъ мертваго Грибоѣдова! Крупный государственный дѣятель, котораго можно считать послѣднимъ могиканомъ московскаго славянофильства, Тертій Филипповъ презиралъ Побѣдоносцева всю свою жизнь и былъ для него, въ бюрократической карьерѣ, едва ли не единственнымъ предметомъ постояннаго и дѣйствительнаго страха, какъ знатокъ церковныхъ вопросовъ и каноническаго права,—слѣдовательно, самый вѣроятный кандидатъ, по достоинству, на постъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода. Побѣдоносцевъ—человѣкъ приказа и опричнины. Чтобы высиживать правовыя нормы, ему нуженъ приказный, чтобы осуществлять высиженныя приказнымъ вдохновенія, ему необходимъ опричникъ. Только приказнаго съ опричникомъ и понялъ онъ въ русской исторіи, и только приказный съ опричникомъ дороги ему въ русской дѣйствительности.

Побѣдоносцева часто обзываютъ и рисуютъ въ каррикатурахъ «вампиромъ» Россіи. Либо—«зміемъ», вродѣ того великаго никоніанскаго змія, о которомъ повѣствуетъ благочестивому Гришѣ майковскій «Странникъ»:

И было зримо, како по ночамъ
Сей змій, уста червлены, брюхо пестро,
Ко храминѣ царевой подползалъ,
И царское оконцо отворялось.
Царь у окна сидѣлъ, а змій, вздымаясь
По лѣстницѣ, клубами подымался
Вверхъ до окна... И такъ, къ царєву уху
Припавъ, шепталъ онъ лестныя слова...

Ну, змій, да еще великій—это для г. Побѣдоносцева чести много. Хотя—надо ему отдать справедливость: что касается «никоніанства»—какъ вѣры, введенной въ рамки устава сунодальныхъ канцелярій,—то врядъ ли самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, творецъ «духовнаго регламента», предвидѣлъ столь

полное воплощеніе своей идеи,—столь совершенное сліяніе въ одномъ лицѣ византійскаго умопомраченія съ нѣмецкимъ бюрократизмомъ.

Змій—чести много. Но «вампиръ»—хорошо.

Вампиръ!

Въ Моравіи—этой классической странѣ вампировъ—существуетъ повѣрье о необычайной способности ихъ проникать въ жизнь человѣческую, подъ видомъ густого зловреднаго тумана, въ которомъ никто не подозрѣваетъ враждебной демонической воли: всѣ думаютъ, что имѣютъ дѣло съ самымъ обыкновеннымъ природнымъ явленіемъ, а между тѣмъ, живой туманъ, выждавъ свой часъ, матеріализуется въ грозный фантомъ,—свирѣпое привидѣніе склоняется къ постелямъ спящихъ и сосетъ кровь человѣческую

Такимъ вампирическимъ туманомъ окуталъ Побѣдоносцевъ внутреннюю политику и та-

ктику двухъ самодержавныхъ царствованій, въ которыхъ его вліяніе было неограниченно—и всегда вело къ насилію, крови, рабству, разоренію и истощенію народа.

Часто спрашиваютъ:

— Гдѣ реальныя причины къ всеобщей ненависти противъ Побѣдоносцева? Гдѣ лично имъ принесенное и принятое на свою отвѣтственность зло?

Какъ ни подспудна еще исторія послѣднихъ тридцати лѣтъ русской жизни, однако, за фактическимъ отвѣтомъ на подобные вопросы дѣло не станетъ. Но отчасти вопрошатели правы. Реализоваться въ кровососный фантомъ Побѣдоносцевъ не любитъ,—у него есть вампирская скромность—не хвастаться собою, онъ предпочитаетъ суть явленіямъ, и вампиры на показъ, какой-нибудь фонъ-Плеве, Треповъ, Дурново, должны возбуждать въ немъ почти презрѣніе: мальчишки и щенки! Отвѣтственные редакторы

собственнаго вампирства! Пугала на государственномъ огородѣ! Не таковъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ. Онъ — туманъ. Вездѣсущій, всевидящій, всеслышащій, всеотравляющій туманъ кровососной власти. Отъ него нечѣмъ дышать русскому обывателю, и, напитываясь имъ, дурѣетъ и впадаетъ въ административное неистовство русскій государственный дѣятель, правитель, министръ. Онъ—медленное убійство въ средѣ правящихъ и медленная смерть—среди управляемыхъ.

Этотъ человѣкъ любитъ казнь, смерть, тлѣніе. Въ «Московскомъ Сборникѣ» есть цѣлая глава, гдѣ Побѣдоносцевъ говоритъ объ отношеніи къ мертвому тѣлу у насъ на Руси и у народовъ западной Европы. Конечно, тлетворный Западъ оказывается кругомъ виноватъ передъ покойниками: почитая трупы гнѣздами болѣзнетворныхъ заразъ, онъ торопится сбыть ихъ изъ общества жи-

выхъ какъ можно скорѣе въ могилу, а въ послѣднее время даже воскресилъ и широко распространилъ обыкновеніе сожженія мертвыхъ тѣлъ, о которомъ Побѣдоносцеву «дико и противно слышать». Тогда какъ у насъ вотъ какое благолѣпіе: «мы не бѣжимъ отъ покойника, мы украшаемъ его въ гробѣ, и насъ тянетъ къ этому гробу... мы поклоняемся тѣлу и не отказываемся давать ему послѣднее поцѣлованіе и стоимъ надъ нимъ три дня и три ночи... Погребальныя молитвы наши продолжительны и не спѣшатъ отдать землѣ тѣло, тронутое тлѣніемъ». Послѣдній восторгъ особенно выразителенъ. Въ другой своей книгѣ Побѣдоносцевъ жалѣетъ, что знаменитую Эдиту Раденъ, какъ лютеранку, погребали по простому и быстрому обряду ея вѣроисповѣданія: «досадно было, что не совершится надъ нею церковная красота нашего отпѣванія»— не спѣшащаго отдать землѣ тѣло, тронутое

тлѣніемъ... Обездолили старика: не дали нанюхаться!

Читатель, конечно, помнитъ Крыловскаго «Медвѣдя въ сѣтяхъ»:

— ...Изо всѣхъ звѣрей мнѣ только одному
Никто не сдѣлаетъ упрека,
Чтобъ мертваго я тронулъ человѣка.
— То правда, отвѣчалъ на то ловецъ ему,—
Хвалю къ усопшимъ я почтеніе такое.
Зато, гдѣ случай ты имѣлъ,
Живой ужъ отъ тебя не вырывался цѣлъ.
Такъ лучше бы ты мертвыхъ ѣлъ,
И оставлялъ живыхъ въ покоѣ».

Это практическое нравоученіе невольно приходитъ въ голову, когда читаемъ побѣдоносцевскія елейныя воздыханія о прелести покойничковъ. Онъ такъ любитъ и чтитъ трупы, что всегда готовъ содѣйствовать об-

ращенію неуважаемаго имъ человѣка въ уважаемый трупъ. **Sit divus, dumnon sit vivus!** Опора и подстрекатель, адвокатъ и апологетъ смертной казни, Побѣдоносцевъ былъ и остается несмѣняемымъ государственнымъ палачемъ Россіи въ теченіе 25 лѣтъ. Десятки грубыхъ, физическихъ палачей, дѣло которыхъ — безсмысленно, безотвѣтно, по приказу начальства, затянуть на горлѣ осужденнаго роковую петлю, умерли въ этотъ срокъ, сбѣжали, подали въ отставку, сошли съ ума, а онъ — все тотъ же: политическій, моральный, религіозный палачъ-бюрократъ—палачъ надъ казнимыми, палачъ надъ судьями, палачъ надъ палачами... Все тотъ же,—только черепъ совсѣмъ оголился отъ волосъ и, при безобразно оттопыренныхъ ушахъ, окончательно уподобилъ стараго государственнаго вампира подземному гному какому-то или нечистому духу изъ полчища Адрамелехова. Словно обритая летучая мышь въ очкахъ и

на заднихъ лапахъ. Когда у Побѣдоносцева выпали послѣдніе зубы, онъ вставилъ себѣ, чтобы удобнѣе жевать преданнную ему на съѣденіе мать-Россію, не искусственные зубы, но, такъ называемыя, сплошныя челюсти— и столь украсилъ себя этимъ сооруженіемъ, что даже привычные къ нему люди не могутъ отдѣлаться отъ чувства содроганія и отвращенія. Вампирамъ свойственно сохранять, въ гробовомъ снѣ своемъ ту наружность и тотъ возрастъ, въ которыхъ случилось имъ «повампириться». Побѣдоносцевъ никогда не былъ молодъ и всегда былъ микроцефаломъ. Чиновничество уже изсушило его, какъ сердцевинную перепонку гусинаго пера, къ тому періоду жизни, когда онъ сталъ у власти, чтобы пить кровь человѣческую. Онъ жалокъ, противенъ и гнусенъ. Извѣстно, что Григорьевъ,—впослѣдствіи предатель Гершуни, — долженъ былъ убить Побѣдоносцева на похоронахъ Сипя-

гина. Григовьевъ проникъ въ Александро-Невскую Лавру и — на кладбищѣ — стоялъ отъ Побѣдоносцева такъ близко, что могъ выполнить свое намѣреніе безъ малѣйшаго труда. Но вдругъ Побѣдоносцевъ вынимаетъ изъ кармана какой-то старомодный, какъ подъячіе на сценѣ носятъ, фуляръ и начинаетъ трубно сморкаться.

— Я не могу изъяснить, что со мною сдѣлалось, — разсказывалъ потомъ Григорьевъ не только товарищамъ, но и суду.—Онъ вдругъ сдѣлался такой мерзкій, плюгавый, ничтожный, слезливый старикашка, что мнѣ стало противно смотрѣть на него... ну, знаете, какъ противно дотронуться рукою до осклизлаго гриба, до гнилушки... Какъ-то ясно и повелительно сказалось, что посягать на такой шлюпикъ, значитъ ронять свое достоинство... А когда я овладѣлъ собою, побѣдилъ въ себѣ это настроеніе и рѣшилъ, все-таки, стрѣлять, Побѣдоносцевъ былъ

уже далеко отъ меня... И я ушелъ съ кладбища...

Я охотно вѣрю въ справедливость показанія Григорьева, потому что—многими годами раньше — слышалъ подобное же признаніе отъ одного человѣка, совершенно чуждаго революціи. Ему случилось встрѣтиться съ Побѣдоносцевымъ — одинъ на одинъ на прогулкѣ, въ Крыму, въ глухомъ уголкѣ ялтинскаго шоссе...

— Когда я узналъ его, моею первою мыслію было: вотъ брошу его съ обрыва въ море, и завтра вся Россія свободно вздохнетъ, и никто никогда не узнаетъ,—подумаютъ, что несчастный случай... Но—приблизился онъ, и такой въ его глазахъ и лицѣ выразился подлый ужасъ, такъ онъ мнѣ показался скверно безпомощенъ и жалокъ, что даже тошно стало... рука не поднялась.

Природа выработала для всего живого средства самозащиты — есть между тварями

ся и такіе организмы, что спасаютъ себя отъ другихъ тварей въ борьбѣ за существованіе исключительно отвращеніемъ, которое они къ себѣ вызываютъ. Но — каково же чувствовать себя въ этой милой категоріи человѣку, да еще не какому-нибудь, а человѣку государственному, — въ нѣкоторомъ родѣ, главной пружинѣ великой имперіи, избранному сосуду «самодержавія, православія, народности».

Конечно, сосудъ сосуду рознь: бываютъ сосуды въ честь, надо быть и сосуду въ поношеніе. Однако, не до такой же степени, что до сосуда человѣку противно рукою дотронуться, хотя бы даже для того лишь, чтобы его разбить.

Г. Побѣдоносцевъ очень счастливъ на избавленія отъ смерти. Стрѣльба Лаговскаго по тѣни—въ окна квартиры Побѣдоносцева на Литейномъ проспектѣ—была скорѣе демонстраціей, чѣмъ покушеніемъ. Однажды,

въ Севастополѣ Побѣдоносцевъ, всходя на пароходъ, оступился со сходни и упалъ въ воду на глубокомъ мѣстѣ. Нашелся добрый чудакъ, который его вытащилъ. Это—Осипъ Фельдманъ, извѣстный гипнотизеръ. Затѣмъ между спасителемъ и спасеннымъ произошелъ слѣдующій выразительный разговоръ.

— Это вы меня вытащили?

— Я.

— Благодарю.

— Помилуйте! Мой долгъ.

— Ваша фамилія?

— Фельдманъ.

— Какого вѣроисповѣданія?

— Еврей.

— Креститесь.

Этотъ благочестивый совѣтъ былъ единственнымъ знакомъ признательности, какимъ Побѣдоносцевъ удостоилъ своего

разочарованнаго избавителя... И — подѣломъ! Не все тащи изъ воды, что въ ней плаваетъ.

Побѣдоносцевъ дебютировалъ пятью висѣлицами, воздвигнутыми на Семеновскомъ плацу для осужденныхъ по дѣлу 1-го марта. Царь Александръ III хотѣлъ оставить имъ жизнь. Побѣдоносцевъ убѣдилъ его ихъ казнить. Тогда Левъ Толстой пишетъ царю письмо о помилованіи и проситъ Побѣдоносцева, какъ человѣка религіознаго и переводчика «О подражаніи Христу» Ѳомы Кемпійскаго, передать его посланіе Александру III. Побѣдоносцевъ отказываетъ наотрѣзъ, говоря, что онъ смотритъ на Христа совсѣмъ не такъ, какъ Толстой: его Христосъ—не милостивецъ, но государственникъ-каратель. Письмо доходитъ до царя черезъ генерала Черевина, производитъ впечатлѣніе. Смущенный царь зоветъ на совѣтъ Побѣдоносцева. Побѣдоносцевъ властно и

авторитетно требуетъ висѣлицы, висѣлицы и висѣлицы... И воздвиглись висѣлицы!

1881 годъ—это эра торжества Побѣдоносцева надъ Россіей. 8-го марта 1881 года, въ историческомъ засѣданіи Государственнаго Совѣта, рѣшавшемъ, быть или не быть на Руси земскому собору, старый вампиръ одержалъ побѣду, обезпечившую ему владычество на 25 лѣтъ впередъ и опредѣлившую ходъ внутренней реакціи на два царствованія. Тогдашняя рѣчь Побѣдоносцева, которою онъ заставилъ Александра III повернуть руль государственнаго корабля, чтобы ѣхать отъ реформъ Александра II обратно къ приказамъ Алексѣя Михайловича, въ настоящее время уже не подспудный секретъ, она была оглашена нѣсколькими легальными журналами, напр. «Былымъ». Это замѣчательная въ своемъ родѣ программа, съ послѣдовательнымъ оплеваніемъ всѣхъ гражданскихъ началъ, жившихъ государственную

жизнь Европы послѣ Великой Французской Революціи и создавшихъ громаду XIX вѣка.

«Что такое конституція? Орудіе всякой неправды, источникъ всяческихъ интригъ».

«Къ чему привело освобожденіе крестьянъ? Къ тому, что исчезла надлежащая власть, безъ которой не можетъ обойтись масса темныхъ людей. Мало того, открыты повсюду кабаки, бѣдный народъ, предоставленный самому себѣ и оставшійся безъ всякаго о немъ попеченія, сталъ пить и лѣниться на работѣ».

«Что такое земскія и городскія учрежденія? Говорильни, въ которыхъ видное положеніе занимаютъ люди негодные, безнравственные, лица не живущія со своими семействами, предающіяся разврату, помышляющія лишь о личной выгодѣ, ищущія популярности и вносящія во все всякую смуту».

«Что такое новыя судебныя учрежденія? Новыя говорильни адвокатовъ, благодаря которымъ самыя ужасныя преступленія, несомнѣнныя убійства и другія тяжкія злодѣянія остаются безнаказанными.»

«Что такое печать? Самая ужасная говорильня, которая во всѣ концы необъятной русской земли, на тысячи и десятки тысячъ верстъ разноситъ хулу и порицаніе на власть, посѣваетъ между людьми мирными и честными сѣмена раздора и неудовольствія, разжигаетъ страсти, побуждаетъ народъ къ самымъ вопіющимъ беззаконіямъ.»

Таковы анаѳемы Побѣдоносцева. Проклятіе народному представительству, проклятіе свободѣ рабочихъ классовъ, проклятіе всѣмъ зачаткамъ самоуправленія, проклятіе суду скорому, справедливому и милостивому, проклятіе вольной гласности. Проклятіе всему, чѣмъ люди живы, и благословеніе всему, чѣмъ они мертвы.

Эразмъ Роттердамскій сочинилъ когда-то «Похвалу Глупости» и Ульрихъ фонъ Гуттенъ—«Письма темныхъ людей». Это были злыя сатиры. Но на Руси въ XIX и XX вѣкѣ нашелся трубадуръ, который замогильнымъ голосомъ воспѣваетъ глупость и невѣжество совершенно въ серьезъ и ставитъ ихъ краеугольными камнями народнаго благосуществованія, — болѣе того: — объявляетъ ихъ двигателями человѣческаго прогресса. «Есть въ человѣчествѣ натуральная, земляная (!) сила инерціи, имѣющая великое значеніе. Ею, какъ судно балластомъ, держится человѣчество въ судьбахъ своей исторіи,—и сила эта столь необходима, что безъ нея поступательное движеніе впередъ становится невозможно. Сила эта, которую близорукіе мыслители новой школы безразлично смѣшиваютъ съ невѣжествомъ и глупостью,—безусловно необходима для благосостоянія общества. Разру-

шить ее—значило бы лишить общество той устойчивости, безъ которой негдѣ найти и точку опоры для дальнѣйшаго движенія. Въ пренебреженіи или забвеніи этой силы—вотъ въ чемъ главный порокъ новѣйшаго прогресса». (Московскій Сборникъ, 72). За этимъ откровеннымъ объясненіемъ въ любви къ богинѣ Глупости Побѣдоносцевъ указываетъ враговъ человѣчества. Это не больше и не меньше, какъ способность къ логическому мышленію, которая погубила бы общество, если бы Побѣдоносцевъ не нашелъ ей, злодѣйкѣ, противоядія въ видѣ спасительнаго предразсудка. Все это мысли изъ Бэдлама,—скажетъ возмущенный читатель. Но таковъ и есть государственный идеалъ Побѣдоносцева: рабски тихое, идіотическое отдѣленіе Бэдлама, управляемое и гонимое на работу хитрымъ, злымъ, эгоистически черствымъ директоромъ сумасшедшаго дома—

единственнымъ, которому разрѣшается «способность къ логическому мышленію» и истекающая изъ нея власть. Пріемы просвѣщенія, для Побѣдоносцева,—отъ лукаваго. Отъ лукаваго—отрицаніе возможной помощи «отъ Николы», стремленіе женщины къ равенству съ мужчиною и нежеланіе «быть его рабою», требованіе дѣтей, чтобы родители были достойны того уваженія, къ которому вынуждаютъ они свое потомство. Странница Ѳеклуша, Китъ Китычъ Брусковъ и Кабаниха—вотъ нелукавая соль земли, которую Побѣдоносцевъ, если бы могъ, возложилъ бы на лоно свое, чтобы—засыпавъ трюмъ государственнаго корабля «балластомъ»—«найти точку опоры для дальнѣйшаго движенія»... въ Бѣлую Арапію, къ Песьимъ Главамъ и къ фараону, который по ночамъ показывается изъ пучины морской, со всѣмъ своимъ воинствомъ.

Ненависть къ мысли, ненависть къ слову,

холодно живущія въ Побѣдоносцевѣ, поистинѣ изумительны. Онъ ненавидитъ слово, потому что оно—схема мысли, а мысль, способная къ схематизаціи, для него уже узурпація его власти, уже революціонное посягновеніе на правительственные прерогативы, уже начало бунта личности противъ государственнаго Бэдлама, Ѳеклушъ-странницъ, Китъ Китычей и Кабаниxъ, который онъ носитъ въ душѣ своей (или вѣрнѣе сказать, въ пару, замѣняющемъ ему душу), какъ неопровержимый идеалъ. Я, право, недоумѣваю, съ какимъ чувствомъ этотъ «глава православія» долженъ слушать начальныя слова четвертаго Евангелія: «Въ началѣ было Слово, и Слово было къ Богу, и Богъ былъ Слово.» Это основное христіанское положеніе настолько противорѣчитъ всему міровоззрѣнію Побѣдоносцева, что, подъ громомъ этой могучей фразы, онъ переживаетъ наврядъ ли лучшія минуты, чѣмъ пудель-Ме-

фистофель въ лабораторіи Фауста въ ту таинственную ночь, когда ученый мужъ этотъ вздумалъ было заняться критикою именно глубокаго стиха о «въ началѣ бывшемъ Словѣ». Въ царствованіе Николая I Апраксинъ или Бутурлинъ откровенно заявили, что Евангеліе слѣдовало бы запретить, если бы оно не было такъ распространено. Побѣдоносцевъ Евангелія не запретилъ, но упорно изгонялъ изъ Россіи, душилъ ссылкою и тюрьмою всѣхъ людей, желавшихъ жить по Евангельскому идеалу, какъ выброшенные сперва на Кипръ, потомъ въ Канаду, разоренные, несчастные духоборы. А теоретиковъ, намѣревавшихся исправить по этому идеалу истрепанную этику современности, отлучалъ отъ церкви, какъ Толстого, выживалъ изъ аудиторій, какъ Соловьева, упекалъ подъ судъ, какъ Григорія Петрова, заточалъ въ монастыри, какъ арх. Михаила. И, наконецъ, въ своей статьѣ о школѣ онъ

прямо протестуетъ противъ введенія Евангелія въ систему школьнаго образованія. И, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ Побѣдоносцевъ имѣетъ вліяніе на судьбы русскаго просвѣщенія, религіозный элементъ угасъ въ послѣднемъ, окончательно смѣнясь церковно-обрядовымъ. Мѣсто Евангелія заняли Филаретъ и Рудаковъ, священникъ и проповѣдникъ должны были посторониться предъ законоучителемъ-дисциплинаторомъ и инквизиторомъ, считающимъ, какъ духовный педель, разы посѣщенія церкви и учащими и учащимися, и за то ненавистнымъ для нихъ обоихъ. О «Великомъ Инквизиторѣ» Достоевскаго Алексѣй Карамазовъ говорилъ, что онъ не вѣруетъ въ Бога. Я не знаю, вѣруетъ ли въ Бога г. Побѣдоносцевъ, да и не мое это дѣло, но смѣло утверждаю, что никто болѣе Побѣдоносцева не содѣйствовалъ паденію вѣры въ Бога среди школьныхъ русскихъ поколѣній; никто не

принизилъ такъ религіозности русскаго народа, обративъ ее въ пустую, сухую, но скучно и досадно требовательную государственную повинность и формальность; никто не далъ вящаго соблазна къ бѣгству всѣхъ сколько-нибудь свободныхъ умовъ въ матеріализмъ и атеизмъ, для которыхъ, однако, г. Побѣдоносцевъ имѣетъ дерзость вздыхать по средневѣковымъ кострамъ. Побѣдоносцевъ при религіи—это медвѣдь при пустынникѣ. Воображая себя воителемъ за Бога въ народѣ, онъ былъ величайшимъ богоубійцею во всей русской исторіи. Мы, люди позитивнаго знанія и свободной мысли, презираемъ и ненавидимъ Побѣдоносцева, какъ одного изъ самыхъ ловкихъ и опасныхъ мастеровъ обращать церковь въ государственный сыскъ, въ мистико-полицейское орудіе народнаго порабощенія, въ фортецію противъ стремленій народной свободы. Но люди религіознаго міросозерцанія ненави-

дятъ и презираютъ его едва ли не еще страстнѣе, чѣмъ мы, отстоящіе отъ нихъ такъ далеко. Ненавидятъ и презираютъ за то, что Побѣдоносцевъ—это воплощенное царство отъ міра сего — разбиваетъ и пачкаетъ ихъ идеалъ своимъ лже-христіанскимъ самозванствомъ, что религію онъ обратилъ въ полицію и священника—въ участковаго надзирателя по духовно-государственной части. У Побѣдоносцева нѣтъ большихъ враговъ, какъ тѣ немногочисленные священнослужители, которые искренно вѣруютъ въ свое призваніе и въ возможность проводить въ народъ евангельскій идеалъ. И, обратно, ихъ — истинно христіанскихъ священниковъ — Побѣдоносцевъ также ненавидитъ и гонитъ больше чѣмъ, всѣхъ позитивистовъ и атеистовъ, потому что ихъ Христосъ и его государственная церковь суть взаимопогашенія. У него нѣтъ другого оружія для борьбы съ жизнью, какъ обманъ и само-

званство отъ всуе пріемлемаго имени Христова, но онъ знаетъ, онъ помнитъ, что оружіе это — украдено изъ чужого арсенала; что Христосъ — противъ него; что, явись Онъ вновь на землю, пришлось бы г. Побѣдоносцеву со Святѣйшимъ Синодомъ отлучать Его отъ церкви: ссылать въ Соловки, изгонять въ Канаду — и все это, опять таки, не иначе, какъ ложно пріемлемымъ именемъ и авторитетомъ Христовымъ. И отсюда—особая, мрачная, почти бѣсовская злоба зависти ко всѣмъ исповѣданіямъ и лицамъ, которыя пріемлютъ имя и ученіе Христа не ложно, и для которыхъ они — оружіе изъ своего, законнаго арсенала. Возвращаясь къ вопросу о вѣрѣ Побѣдоносцева, мнѣ кажется, кстати повторить язвительное слово Владимира Соловьева: «если и вѣруетъ, то — какъ бѣсы у апостола Павла: — вѣруетъ и трепещетъ».

Побѣдоносцевъ,—старый профессоръ гра-

жданскаго права и воспитанникъ права римскаго,—очень ловко умѣлъ подмѣнить въ государственномъ христіанствѣ бога небеснаго богами земными и исповѣданіе православія обратить въ исповѣданіе самодержавія. Въ его некрологѣ Эдиты Раденъ есть удивительно характерная выписка, гдѣ онъ умиленно доказываетъ православную религіозность какихъ-то монахинь тѣмъ примѣромъ, что онѣ необыкновенно искусно исполняютъ... гимнъ «Боже, Царя храни», сочиненный всего полвѣка назадъ по повелѣнію Николая I жандармскимъ генераломъ Львовымъ! Самодержавіе—вотъ истинная религія Побѣдоносцева, самодержецъ — divus Caesar Imperator—вотъ его сотворенный кумиръ, его божество. Въ ряду его историческихъ симпатій первое мѣсто занимаетъ Александръ III; при немъ, пріявшемъ 8-го марта 1881 года взгляды Побѣдоносцева, какъ правительственную программу, Побѣдонос-

цевъ былъ всесиленъ — почти какъ негласный диктаторъ Россійской Имперіи. Изъ предшествовавшихъ Романовыхъ XIX вѣка Побѣдоносцева ни одинъ не удовлетворяетъ. Онъ холодно враждебенъ къ памяти Александра II, какъ реформатора, разрушенію творчества котораго старикъ посвятилъ затѣмъ весь остатокъ своей жизни, — и надо отдать ему справедливость: успѣлъ въ томъ за тринадцать лѣтъ своей диктатуры хорошо и совершенно: къ 1894 году, когда скончался Александръ III, либеральныя реформы шестидесятыхъ годовъ либо не существовали вовсе, либо влачили жизнь блѣдными призраками, формами власти безъ властнаго содержанія. Старый вампиръ выпилъ изъ нихъ кровь и замѣнилъ ее такимъ... содержимымъ, что не дай Богъ и Фойницкому нюхать и разбирать!.. Александра I Побѣдоносцевъ терпѣть не можетъ, какъ государя, благосклоннаго къ конституціоннымъ

идеямъ. Реакціонною разницею съ эпохой Александра I въ пользу идей самодержавія и національизма именно и опредѣляетъ восторженный Побѣдоносцевъ государственный «прогрессъ» при Александрѣ III. Наконецъ, Николай I,—какъ типичнѣйшій автократъ изъ автократовъ—былъ бы Побѣдоносцеву по душѣ («грозный и въ полномъ сознаніи своей силы») но онъ «безсознательно поступался русскими интересами во внѣшней и внутренней политикѣ, оттого что не зналъ прошлаго». Сужденіе совершенно справедливое, но—какъ бы вы думали, когда Николай I, по мнѣнію Побѣдоносцева, «безсознательно поступался русскими интерасами»? Когда истребилъ Волконскихъ, Оболенскихъ, Трубецкихъ, Пушкиныхъ и окружился Бенкендорфами, Дубельтами, Клейнмихелями, фонъ Фоками? Когда разрушеніемъ Варшавы и отмѣною польской конституціи создавалъ на западной

границѣ Россіи вѣчнаго врага—будущее военное и политическое могущество Пруссіи? Когда, неизвѣстно зачѣмъ, спасалъ Австрію, заливая русскою кровью пожаръ венгерской революціи? Когда, не зная ни военныхъ, ни экономическихъ средствъ собственнаго государства, посылалъ легкомысленнаго Меньшикова въ Константинополь—вызвать султана, во что бы то ни стало, къ войнѣ, которая привела къ Севастопольскому разгрому? О, нѣтъ, это все пустяки. У Николая для Побѣдоносцева есть грѣхи посерьезнѣе этихъ: «вспомнимъ, какъ въ правленіе Паскевича населеніе Холмской Руси безразлично смѣшиваемо было съ польскимъ населеніемъ, безсознательно предоставлялось ополячиванію и окатоличенію». На нашихъ глазахъ Побѣдоносцевъ располячивалъ и раскатоличивалъ и эту «Холмскую Русь», и Литву, съ изумленіемъ узнавшую изъ циркуляровъ правительства петербург-

скаго, что она—и русская, и православная. Но изумленіе скоро превратилось въ ужасъ, въ отчаяніе, къ небу полетѣли вопли и проклятія смерти, потому что, какъ всюду и всегда, миссіонерами Побѣдоносцева были полицейская нагайка, казацкая пика и солдатскій штыкъ. Еще у всѣхъ въ памяти обличительная книга Леливы, съ страницами, залитыми кровью литовскихъ мучениковъ за свободу вѣроисповѣданія. Еще звучатъ въ ушахъ нашихъ вопли женщинъ и дѣтей, растоптанныхъ подъ сводами костела въ Крожахъ... Не я буду говорить защитительныя рѣчи въ пользу католичества. Но за нимъ есть хоть та честная сторона, что его воинственныя реакціи, по крайней мѣрѣ, прямы и откровенны: «non possumus!» Когда католическій палачъ Карлъ IX избиваетъ гугенотовъ въ Варѳоломеевскую ночь, папа римскій не произноситъ рѣчей о свободѣ религіи, но служитъ благодарственный молебенъ за

истребленіе еретиковъ. Не таковъ К. П. Побѣдоносцевъ. Отправивъ палачей миссіонерствовать среди холмскихъ уніатовъ и литовскихъ «окатоличенныхъ», онъ садится къ письменному столу и не чернилами, но елеемъ изъ лампады пишетъ въ свою статью о «Церкви»:

— Сохрани Боже порицать другъ друга за вѣру; пусть каждый вѣруетъ по своему, какъ ему роднѣе.

Позвольте остановиться на этой замѣчательной фразѣ. Она необыкновенно характерна для Побѣдоносцева, какъ публициста извѣстной среды, какъ учителя и глашатая сферъ, которыя русское общественное мнѣніе въ послѣднее время окрестило «Звѣздною Палатою». Безсмыслицы и дикости этой удивительной компаніи обыкновенно поражаютъ каждаго средняго человѣка не столько надменностью и жестокостью міросозерцанія, ими выражаемаго,—эти скверныя сословныя

черты, по крайней мѣрѣ, объяснимы—сколько глубокимъ невѣдѣніемъ міра, на который они обрушиваются какимъ-то безмятежнымъ непониманіемъ дѣйствительности и будущаго, истекающаго изъ нея, какъ выводъ изъ логической посылки. Эти люди живутъ въ палатахъ съ разрисованными окнами. Внутри зданія свѣта достаточно какъ разъ настолько, чтобы хозяевамъ видѣть въ лицо гругъ друга и услуживающихъ имъ лакеевъ, а наружу они видятъ лишь то и такъ, что и какъ позволяютъ рисунки окна. Г. Побѣдоносцевъ —великій раскрашиватель дворцовыхъ оконъ. Его сила — въ наглости публицистической лжи, которую онъ ставитъ между глазами своихъ вѣрующихъ и дѣйствительностью, смѣло и опытно зная, что они не могутъ, да и не пойдутъ провѣрять дѣйствительность, если бы даже могли. Его секретъ въ томъ—что передъ каждымъ сильнымъ міра сего онъ лжетъ на дѣйствительность то, что

сильному міра лично выгодно и пріятно слышать. О, не думайте, что онъ—извивающійся «льстецъ». Напротивъ: онъ весь откровенность, онъ—прямая душа, онъ—грубоватый ворчунъ, онъ—даже рѣзкій обличитель...

Вотъ человѣкъ—честнѣйшій изъ людей.
И какъ умомъ глубокимъ онъ умѣетъ
Всѣхъ дѣлъ людскихъ причины постигать.

Такъ рекомендовалъ одного своего, тоже грубоватаго и рѣзкаго, «друга» храбрый генералъ Отелло въ трагедіи, написанной небезызвѣстнымъ англійскимъ писателемъ Вильямомъ Шекспиромъ, во взглядѣ на реальную правду котораго, не во гнѣвъ будь сказано Л. Н. Толстому, мы съ нимъ расходимся не менѣе, чѣмъ нѣкогда разошелся съ нимъ г. Побѣдоносцевъ во взглядѣ на Христа. Но тогда—выигрышъ чести и правды остался за Л. Н. Толстымъ, чего въ Шекспировомъ случаѣ—увы! сказать нельзя...

Я такъ устрою дѣло,
Что будетъ Мавръ меня благодарить,
Любить меня и награждать за то,
Что я его искусно превращаю
Въ полнѣйшаго осла и довожу
Отъ мирнаго покоя до безумья.

Это ораторствуетъ уже не генералъ Отелло, а «другъ» — рекомендуемый имъ, какъ «честнѣйшій изъ людей». И зовутъ этого «честнѣйшаго изъ людей»—Яго.

Подобно Яго, г. Побѣдоносцевъ—въ глазахъ Звѣздной Палаты—

Человѣкъ честнѣйшій и питаетъ
Онъ ненависть къ той грязи, что лежитъ
На всѣхъ дѣлахъ безнравственныхъ.

Подобно Яго, онъ—оракулъ добра и зла, нравственности и безнравственности. Убійство добродѣтели, по его слову, предпринимается, какъ дѣло чести и справедливости, а ходатайство за невиннаго обращается его клеветами въ подозрительный порокъ, сви-

дѣтельствующій о преступномъ настроеніи. «Онъ изо всѣхъ державныхъ правъ одну лишь милость ограничитъ», характеризовалъ настоящаго льстеца нашъ великій Пушкинъ. Это—такъ. Это — огненное клеймо на лбѣ русскаго государственнаго Яго, — «честнѣйшаго и нравственнѣйшаго изъ людей»,—Константина Петровича Побѣдоносцева.

Онъ скажетъ: презирай народъ.
Гнети природы голосъ нѣжный.
Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ—
Развратъ и нѣкій духъ мятежный.

Мы слышали, какъ честный Яго поетъ гимны рабству, акафисты невѣжеству и дифирамбы глупости. Онъ мастеръ на эти пѣсни, но иногда и въ Бэдламѣ просыпается сознаніе, ведя за собою тѣни сомнѣній и угрызеній совѣсти. Кажется, вотъ-вотъ — еще одинъ моментъ просвѣтлѣнія, и ни въ чемъ неповинная Дездемона останется жива, а оклеветанный Кассіо вернетъ себѣ напрасно

отнятое лейтенантское мѣсто. Но—не надѣйтесь по пустому! «Честный Яго» на сторожѣ и—для просыпающихся совѣстей у него всегда на готовѣ морфій хорошо сфабрикованныхъ лжей, разсчитанныхъ на то, чтобы человѣкъ услышалъ какъ разъ то, что ему выгодно и пріятно слышать. Великолѣпнѣйшій образецъ такой государственной лжи,—выше приведенная рѣчь Побѣдоносцева въ государственномъ совѣтѣ 8-го марта 1881 года, которую онъ — блѣдный, дрожащій, взволнованный — началъ трагическимъ воплемъ:

— Finis Russiae!

А затѣмъ принялся убѣждать царя, правящаго государствомъ всего одну недѣлю, что Лорисъ-Меликовъ навязываетъ ему конституцію, и конституція есть гибель отечества. Мы видѣли, что попутно онъ оболгалъ земство, оболгалъ судъ, оболгалъ печать, и все это безнаказанно.

Я охотно признаю Побѣдоносцевское мужество лжи талантомъ, изъ ряда вонъ выходящимъ. Изъ русскихъ государственныхъ знаменитостей кличку «отца лжи» имѣлъ когда-то Н. П. Игнатьевъ, и, дѣйствительно лгалъ виртуозно, съ вдохновеніемъ. Но есть ложь Ноздрева, Хлестакова, Репетилова и есть ложь Яго, Ричарда III, Эдмунда Глостера. Азіатская дипломатія Игнатьева все-таки больше питалась первою категоріей, почему онъ, сравнительно, и рано вышелъ въ государственный тиражъ. Побѣдоносцевъ лгунъ второй категоріи: его ложь опирается на извращенное міросозерцаніе, рождающее доказательства, полныя какой-то крокодильей убѣжденности,—она систематична и непоколебима, она—злобная каррикатура правды, поставленной внизъ головою и клеветнически перевернутой вверхъ ногами. Бываютъ фанатики своей правды; Побѣдоносцевъ—фанатикъ своей лжи: онъ способенъ единовре-

менно разстрѣливать прихожанъ въ Крожахъ и зарекаться именемъ Бога отъ желанія насиловать чьи-либо религіозныя убѣжденія—соловьемъ разливаться о «терпимости ко всякому вѣрованію, свойственной національному характеру нашему», и даже возмущаться другими вѣроисповѣданіями когда они не слишкомъ-то довѣрчиво относятся къ православному обряду и духовенству. Побѣдоносцевъ описываетъ смерть Эдиты Раденъ: она скончалась лютеранкою, но Побѣдоносцевъ и его друзья окружили больню православными иконами. «Какъ подозрительно смотрѣлъ на эту икону лютеранскій пасторъ, посѣщавшій больную! Конечно, онъ боялся, какъ бы православные не похитили тайно эту овцу изъ его стада. Напрасныя опасенія:—въ числѣ православныхъ друзей Эдиты никто не рѣшился бы насиловать ея совѣсть». Это очень жалостное зрѣлище: видѣть, какъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Су-

нода терпитъ несправедливое гоненіе отъ подозрительнаго пастора,—но, откровенно говоря, сей лютый гонитель имѣетъ за себя смягчающія вину обстоятельства. Увидѣть свою прихожанку среди отрицаемыхъ ея церковью иконъ,—да еще у изголовья сидитъ самъ К. П. Побѣдоносцевъ, всемірно прославленный своею «неспособностью насиловать совѣсть», — тутъ есть отъ чего въ отчаяніе придти лютеранскому пастору. Еще диво, что онъ только «смотрѣлъ подозрительно», а не прямо бѣжалъ, куда глаза глядятъ отъ опасности обвиненія, что, молъ, пришелъ переобращать «обращенную». Въ «Холмской Руси» и въ Литвѣ ксендзовъ лишали прихода и подвергали гоненіямъ за гораздо меньшія прегрѣшенія: напримѣръ—за молитву надъ умершимъ, который прожилъ жизнь католикомъ, а при смерти узналъ подъ нагайками побѣдоносцевскихъ апостоловъ, что кто-то и когда-то сдѣлалъ его православнымъ.

Итакъ, мы видѣли Константина Петровича Побѣдоносцева угнетеннымъ отъ гонителей изъ иностранныхъ исповѣданій. Перейдемъ въ другую область и посмотримъ, какъ Константинъ Петровичъ страдалъ отъ насилій, творимыхъ «свободною печатью». Замѣтьте: Константинъ Петровичъ, говоря о печати, всегда подчеркиваетъ—свободная печать, свобода печати и т. д. Честный Яго, конечно, очень хорошо знаетъ, что никакой свободы печати у насъ нѣтъ, и никакая свободная печать, поэтому, невозможна. Но честный Яго пишетъ вѣдь для особой, спеціальной публики: для невѣжественныхъ Отелло, которые столько же освѣдомлены, какая у насъ печать — свободная или порабощенная—сколько зналъ Александръ I—о крѣпостномъ правѣ въ своемъ государствѣ. Въ 1819 году обсуждались въ государственномъ совѣтѣ мѣры къ улучшенію быта крестьянъ. Присутствовалъ Александръ I и

былъ очень взволнованъ преніями, которыя онъ услышалъ. Волненія были чрезвычайно гуманны, мнѣнія человѣколюбивы, но, выходя изъ засѣданія, Кочубей съ печальною улыбкою сказалъ Мордвинову:—А вѣдь государь-то процарствовалъ почти двадцать лѣтъ, не зная, что въ Россіи продаютъ людей врозь съ семьями, какъ скотину... Александра I Побѣдоносцевъ не любитъ, Александра III обожалъ, но—какъ первый смотрѣлъ на крѣпостное право сквозь стекла, разрисованныя современными ему честными Яго, такъ и Александру III подставлено было Побѣдоносцевымъ разрисованное стекло для разсмотрѣнія всѣхъ элементарныхъ правъ человѣческаго общества, въ томъ числѣ и «свободы печати». Вотъ ужасы, которые, по увѣренію Побѣдоносцева, обрушиваетъ на каждаго гражданина, или «вѣрноподаннаго», страшная «говорильня», называемая «свободною печатью». «Всякій, кто хочетъ, первый встрѣчный мо-

жетъ стать органомъ этой власти, представителемъ этого авторитета, — и при томъ вполнѣ безотвѣтственнымъ, какъ никакая иная власть въ мірѣ. Это такъ, безъ преувеличенія: примѣры живые на лицо. Мало ли было легкомысленныхъ и безсовѣстныхъ журналистовъ, по милости коихъ подготовлялись революціи, закипало раздраженіе до ненависти между сословіями и народами, переходившее въ опустошительную войну. Иной монархъ (sic!) за дѣйствія этого рода потерялъ бы престолъ свой; министръ подвергся бы позору, уголовному преслѣдованію и суду, но журналистъ выходитъ сухъ, какъ (?) изъ воды, изо всей заведенной имъ смуты, изо всякаго погрома и общественнаго бѣдствія, коего былъ причиною, выходитъ съ торжествомъ, улыбаясь и бодро принимаясь снова за свою рѣшительную работу». Оставимъ въ этой не весьма грамотной тирадѣ въ сторонѣ смѣшую гипотезу о суще-

ствованіи миѳически могущественныхъ журналистовъ, дѣлающихъ якобы перомъ своимъ революціи: хорошо вѣдь извѣстно, что въ дѣйствительности-то наоборотъ, не журналисты — революцію, а революція журналистовъ дѣлаетъ. Оставимъ въ сторонѣ еще болѣе смѣлую гипотезу о бытіи фантастическихъ монарховъ, лишающихся престола за то, что они дѣлаютъ революціи противъ себя самихъ. Ограничимся скромною параллелью министровъ съ журналистами. Не правда ли, прочитавъ грозный приговоръ Побѣдоносцева министру, повинному въ разжиганіи «ненависти между сословіями и народами», можно подумать, что фонъ Плеве, организаторъ Кишиневскаго погрома, скончался, по меньшей мѣрѣ, лишенный всѣхъ правъ состоянія («позоръ»)? Петръ Николаевичъ Дурново, устроитель кровопролитныхъ сраженій съ мирными московскими обывателями, сидитъ въ домѣ предварительнаго за-

ключенія («уголовное преслѣдованіе»)? Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ, герой Бѣлостока и Сѣдлеца, трепещетъ на скамьѣ подсудимыхъ, ожидая рокового приговора («судъ»)... Что касается способности журналистовъ выходить сухими изъ воды (не «какъ изъ воды»), тутъ г. Побѣдоносцевъ правъ: я самъ, однажды, испыталъ присущность мнѣ этого профессіональнаго дара, когда не утонулъ въ наледи Енисея. Но вотъ — зачѣмъ было мнѣ попадать въ эту наледь Енисея, котораго я никогда и видѣть-то не желалъ, — мнѣ, по увѣренію г. Побѣдоносцева, «безотвѣтственному» журналисту, властному болѣе монарховъ и министровъ? Я испыталъ наледь Енисея, другіе товарищи удостоились наледи Байкала, Лены, Оби, Иртыша, третьи мучились на Карѣ, въ Акатуѣ, на Сахалинѣ, въ Якутскѣ. Еще года нѣтъ, какъ храбрый генералъ Ренненкампфъ приговорилъ къ смертоой казни четырехъ «безотвѣтствен-

ныхъ» журналистовъ въ Верхнеудинскѣ, и лишь протестъ всей мыслящей Россіи даровалъ несчастнымъ жизнь—на условіи вѣчной каторги! Торжествующій революціонеръ-журналистъ въ кандальномъ уборѣ,—угнетенный министръ за завтракомъ на Фонтанкѣ въ «зданіи у Цѣпного Моста» Дѣйствительность—увы, слишкомъ хорошо извѣстная. Изъ тысячи «безотвѣтственныхъ» журналистовъ девятьсотъ, навѣрное, прошли страду участка, тюрьмы, ссылки, кандальнаго звона, полицейскаго бойла, Якутской ночи, каторжныхъ и смертныхъ приговоровъ. Эту дѣйствительность знаютъ всѣ, она непреложна. Но государственный Яго ставитъ ее вверхъ ногами, отражаетъ ее въ гримасничающемъ зеркалѣ своей лжи и подноситъ сквозь разрисованное окно своимъ довѣрчивымъ Отелло: смотри! И...отвѣтственныхъ министровъ г. Побѣдоносцевъ покуда въ Россіи не насадилъ, но отвѣтствен-

ныхъ журналистовъ посажено по всякимъ мѣстамъ, «гдѣ не пахнеть розами», сколько угодно. Живая правда Россіи—отвѣтственность журналиста при безотвѣтственности министра. Мертвая, гнилая ложь Побѣдоносцева—твердитъ какъ разъ наоборотъ.

Дальше.

«Журналистъ имѣетъ полнѣйшую возможность запятнать, опозорить мою честь, затронуть мои имущественныя права; можетъ даже стѣснить мою свободу, затруднивъ своими нападками или сдѣлавъ невозможнымъ для меня пребываніе въ извѣстномъ мѣстѣ... Судебное преслѣдованіе, какъ извѣстно, даетъ плохую защиту, а процессъ по поводу клеветы служитъ почти всегда средствомъ не къ обличенію обидчика, но къ новымъ оскорбленіямъ обиженнаго; а притомъ журналистъ имѣетъ всегда тысячу средствъ уязвлять и тревожить частное лицо, не давая ему прямыхъ поводовъ къ возбужденію су-

дебнаго преслѣдованія. Итакъ, можно ли представить себѣ деспотизмъ болѣе насильственный, более безотвѣтственный, чѣмъ деспотизмъ печатнаго слова?»

Это писалось,—и бумага вытерпѣла!—въ государствѣ, гдѣ пресса десятки лѣтъ задыхалась, какъ раба, въ когтяхъ такого милаго учрежденія, какъ Главное Управленіе по дѣламъ печати. И когти эти еще не распустились. И Главное Управленіе по дѣламъ печати умирать еще не собирается.

Это писалъ,—и бумага вытерпѣла!—человѣкъ съ такою исключительною государственною властью, что, когда онъ бывалъ не доволенъ начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, то смѣнялъ сего сановника простымъ разговоромъ по телефону съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, словно неугодившаго лакея.

Это писалось,—и бумага вытерпѣла!—въ то время, когда въ судахъ свирѣпствовалъ за-

конъ о диффамаціи, не допускавшій оправданія подсудимаго, такъ что имъ стыдились пользоваться даже и обвинители-то, которые посовѣстливѣе.

Это писалось—и бумага вытерпѣла!—среди прессы съ завязаннымъ ртомъ, почти обезумленной шестнадцатилѣтнею пыткою въ побѣдоносцевскомъ застѣнкѣ, подъ клещами и обухомъ такихъ заплечныхъ мастеровъ, какъ Дурново, Горемыкинъ, Соловьевъ, фонъ Плеве. Вь сужденіяхъ Побѣдоносцева объ уличной, такъ называемой, маленькой и «желтой» прессѣ, есть банально справедливые приговоры (напримѣръ о шантажѣ). Но кто же создалъ-то эту гнусную прессу, столь характерную для восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ Россіи, какъ не онъ—Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ со своими высоко поставленными орудіями и со своими низкопоклонными помощниками и прислужниками? Кто загасилъ политическую

мысль шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, убилъ грубою силою журналъ и серьезную газету и бросилъ въ публику, какъ суррогатъ общественнаго мнѣнія, органы безразличной информаціи («большая пресса») и органы просто сплетни и кафешантанной грязи? Кто вырвалъ періодическую печать изъ рукъ Стасюлевичей, Салтыковыхъ, Михайловскихъ, Елисѣевыхъ, чтобы обратить ее въ наложницу сутенеровъ сидѣльцевъ питейнаго дома, молодцевъ кафешантанныхъ, сыщиковъ или лакеевъ, угодившихъ Каткову либо самому Побѣдоносцеву искуснымъ подаваніемъ шубы? Кто низвелъ печать до такого откупного униженія, что прихлебатели г. Побѣдоносцева, получивъ черезъ него разрѣшеніе на журналъ или газету, устраивали потомъ своеобразные аукціоны съ вымогательствомъ, какой перекупщикъ дастъ больше? Кто создалъ «отвѣтственнаго редактора» по назначенію—эту наглую, дѣйствительно,

ужъ начисто и цѣликомъ шантажную тварь, которую Главное Управленіе по дѣламъ печати навязывало каждой редакціи, какъ своего «излюбленнаго человѣка», шпіона и домашняго цензора и вымогало для этого сокровища отъ издателей годовыя жалованья—взятки въ 12, въ 18.000 рублей? Кто растлилъ театръ, закрывая доступъ на русскую сцену «Вильгельму Теллю», «Орлеанской Дѣвѣ», «Веселымъ Расплюевскимъ Днямъ», «Купцу Калашникову», скопя и урѣзывая «Бориса Годунова», но давая свободный ростъ опереткѣ, кафешантану и развратному фарсу—щекочущимъ орудіямъ нутрянаго, животнаго смѣха, смѣха до тупого самозабвенія, смѣха Иванушки-Дурачка? О, восьмидесятые годы, управляемые К. П. Побѣдоносцевымъ, были, несомнѣнно, очень цѣломудренною эпохою въ правительствѣ русскомъ. Они имѣли одинъ недостатокъ-настолько боялись чуть было не состоявшей-

ся конституціи, что, ради забвенія о ней, предпочитали—лишь бы не нашлось помѣщенія и почвы для парламента! — обратить хоть всѣ общественныя зданія въ Россійской Имперіи въ публичные дома. Это была эпоха русскаго бонапартизма, повторявшая буквально всѣ ухищренія Наполеона III, предпринятыя послѣ февральскаго coup d'etat съ цѣлью отвлечь французовъ отъ политики и заставить ихъ s'amuser. Наполеонъ III не хуже г. Побѣдоносцева понималъ роль «инерціи», которую «обыкновенно смѣшиваютъ съ невѣжествомъ и глупостью», въ дѣлѣ укрѣпленія деспотизма и не стѣснялся развивать эту «инерцію» всѣми зависѣвшими отъ него стыдными и насильственными средствами включительно, именно до рептильной прессы и гласныхъ игорныхъ и публичныхъ домовъ, подъ псевдонимами кафешантановъ. Наполеонъ III, говорятъ, былъ человѣкъ очень развратный.

Г. Побѣдоносцевъ, говорятъ, человѣкъ чрезвычайно нравственный... вродѣ «Анджело» въ шекспировской «Мѣра за мѣру». И, увы, все же высокая нравственность Побѣдоносцева — родная дочь и вѣрная ученица Наполеонова разврата и занимается однимъ съ нимъ ремесломъ.

Одурять толпу подложнымъ званіемъ, подложными учрежденіями, подложною религіей, подложною печатью, подложными удовольствіями, вотъ что значитъ, по мнѣнію Побѣдоносцева, управлять народомъ. Всякое положительное знаніе для него отвратительно. Чернильница ученаго натуралиста, психолога, соціолога производитъ на него такое же впечатлѣніе, какъ чернильница Лютера—на искушавшаго чорта. Въ этомъ отношеніи замѣчательно характерны поистинѣ мефистофельскія книжки Побѣдоносцева—«Ученіе и учитель». Это—по очереди кордегардія и католическая исповѣ-

дальня: педагогическій захватъ и тѣла и души ребенка. Гимнъ «натуральной» необразованности и проклятіе «общему образованію». Протестъ противъ Евангелія въ рукахъ ребенка (не доросъ!) и настойчивое требованіе слиянія школы съ церковностью. Само собою разумѣется, что Побѣдоносцевъ поклонникъ, защитникъ и покровитель подчиненія школьной системы господству древнихъ языковъ. Не могу удержаться, чтобы не привести одного изъ дивныхъ софизмовъ, которыми онъ воспѣваетъ имъ хвалу: «эллинская и латинская рѣчь—языки, не употребляемые въ живой рѣчи, а потому почитаемые мертвыми, потому именно способны оживлять юнымъ духомъ складъ новой живой рѣчи». Образцовое систематическое безобразіе этой фразы—нельзя сказать, чтобы давало хорошій примѣръ вліянія древнихъ языковъ,—въ которыхъ Побѣдоносцевъ, конечно, знатокъ—на «способность

разумно обращаться со словомъ» и на «складъ живой новой рѣчи». Не говорю уже о логической безсымслицѣ, въ ней заключенной: мертво, потому что живо, и живо, потому что мертво. Опять—пристрастіе къ мертвечинѣ, къ гнили, къ тлѣнію, опять вампирская логика, діалектика упыря: если хочешь быть живымъ, питайся трупнымъ прахомъ,—опять насмѣшливая параллель изъ Пушкина:

Горе! Малый я не сильный,
Съѣстъ упырь меня совсѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не съѣмъ..

И вспомните восьмидесятые и девяностые годы: сколько «не сильныхъ малыхъ» погибло отъ упырей и вампировъ русской школы, потому что не смогли «съ молитвою ѣсть могильную землю» науки Толстыхъ, Катковыхъ, Леонтьевыхъ, Побѣдоносцевыхъ, Георгіевскихъ. Сами вампиры сосали изъ молодого поколѣнія живую кровь, а дѣтей от-

равляли мертвечиною. И когда отъ вредной пищи поколѣнія глупѣли и вырождались— вампиры радовались:

— Слава намъ! Вырастутъ,—будутъ не общество, а стадо. И, стало быть, не будутъ бунтовать.

Другое орудіе словесной науки для русскаго человѣка,—«нашъ церковно-славянскій языкъ—великое сокровище нашего духа, драгоцѣнный источникъ и вдохновитель нашей народной рѣчи. Сила его, выразительность, глубина мысли, въ немъ отражавшейся, гармонія его созвучій и построеніе всей рѣчи—создаютъ и красоту его «неподражаемую». Въ восхваленіи этого новаго покойника Побѣдоносцевъ такъ злоупотребляетъ мѣстоименіемъ нашъ, что хочется сказать ему: вотъ это вѣрно! Parlez pour vous, mon cher!.. Какъ разъ, на почвѣ «неподражаемыхъ красотъ» церковнославянщины, выкрученной словоизвитіями допетровскихъ

приказовъ и выправленной потомъ для XIX вѣка въ «періоды» реформою Карамзина, развилось то уродливое растеніе, что позоритъ русскую рѣчь подъ именемъ бюрократическаго, казеннаго, канцелярскаго языка,— а въ немъ первый знатокъ, мастеръ и элоквенціи профессоръ—Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ. Не надо читать сочиненій Побѣдоносцева, чтобы знать этотъ проклятый, фальшивый языкъ—дутый и напыщенный, какъ надпись на повапленномъ гробѣ. Достаточно вспомнить, что Побѣдоносцевъ—или авторъ или редакторъ огромнаго большинства манифестовъ, указовъ, рескриптовъ, обращенныхъ къ Россіи отъ имени трона. Я не знаю большаго таланта широковѣщательно глаголать—и не сказать ничего: талантъ старинныхъ подъячихъ, гордившихся умѣніемъ написать бумагу такъ, чтобы на нее противная сторона не могла отписаться—по непониманію, что, соб-

ственно, въ ней ищется и сказано? Изъ всѣхъ государственныхъ оконъ, разрисованныхъ Побѣдоносцевымъ, эти его велерѣчивыя фехтованія правительственнымъ словомъ, съ величественными недомолвками и краснорѣчивыми двусмысленностями, быть можетъ, самыя вредныя и нечестныя. Во всѣхъ государствахъ Европы законодательная власть старается прежде всего, чтобы законы страны и обращенія къ странѣ отъ имени верховной власти звучали точно, ясно, просто и безспорно. Только въ Россіи облекаютъ ихъ велерѣчіемъ, которое такъ запутываетъ и затемняетъ ихъ смыслъ, что они теряютъ половину своего значенія и обязательности. Истина по русскому закону—вѣдь это въ самомъ дѣлѣ «результатъ судоговоренія»! Благодаря языку Побѣдоносцева,—«лживому и темному языку кудесника»—каждый русскій законодательный актъ обращается въ дремучій лѣсъ, требующій комментаріевъ

чуть не цѣлыми томами, въ спорное дѣло, полное увертокъ pro и contra, въ междустрочность, обостряющую свирѣпость буквы закона по произволу ея исполнителя. Побѣдоносцевъ — систематическій отравитель русскаго государственнаго права. Слово ему необходимо только, какъ схема пролазной и увертливой лжи.

Мнѣ случалось говорить съ лицами, хорошо знавшими Побѣдоносцева, какъ преподавателя и воспитателя: качества особенно важныя, потому что этотъ Ахимелехъ воскормилъ млекомъ разума своего многихъ, стоящихъ у правительственнаго кормила Россіи. И здѣсь — та же система обаятельной лжи. Человѣку слабохарактерному онъ льститъ, притворно ужасаясь опасностей его мнимой рѣшительности. Въ ограниченные вялые мозги вбиваетъ самолюбивыя мыслишки, что ты молъ настолько уменъ и глубокъ, что тебя никто изъ окружающихъ

не въ состояніи даже понять. Въ мелкомъ властолюбцѣ онъ развиваетъ подозрительную обидчивость, страхъ и недоброжелательство ко всякому совѣту, отвращеніе ко всякому человѣку, въ которомъ сказывается живой умъ и сильная воля. Побѣдоносцевъ ненавидитъ католицизмъ, но въ педагогической тактикѣ самъ онъ — типическій дисциплинаторъ католической конгрегаціи, умѣло и вкрадчиво, желѣзною рукою въ бархатной перчаткѣ порабощающій учениковъ и послушниковъ своихъ, превращающій ихъ въ куклы съ заводнымъ механизмомъ. У нихъ нѣтъ своего ума, у нихъ нѣтъ своего званія. Они пріобрѣтаютъ знаніе постольку, поскольку попускаетъ его побѣдоносцевскій авторитетъ, а мы видѣли, какой ужасъ къ знанію живетъ въ этомъ человѣкѣ. У нихъ нѣтъ мыслей, не испытанныхъ цензурою Побѣдоносцева, и словъ, ею не пропущенныхъ. У нихъ нѣтъ чувствъ, кото-

рымъ они смѣютъ отдаться съ непосредственной искренностью, не справившись съ Побѣдоносцевскою маргариновою моралью. Воспитаніе Побѣдоносцева—вотъ истинный источникъ анекдотическаго невѣжества учениковъ его, блистающихъ въ Звѣздной Палатѣ, ихъ надменности, мнительности и жестокости. Нельзя безнаказанно учиться у вампира. Кого укуситъ вампиръ своимъ отравленнымъ зубомъ, тотъ понемногу становится вампиромъ самъ.

Есть оптимисты, которые и въ аду найдутъ хорошія бытовыя стороны. Имъ принадлежитъ честь изобрѣтенія пословицы, что—«не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ!» У Побѣдоносцева тоже имѣются свои защитники, отстаивающіе — правда, очень стыдливо — нѣкоторыя, якобы положительныя, черты этой мрачной и нелѣпой фигуры. Я не планеты Звѣздной Палаты имѣю здѣсь въ виду, конечно, — тѣмъ-то поклоненіе По-

бѣдоносцеву къ лицу и масти, оно въ нихъ естественно и необходимо. Напротивъ, неестественно было бы, если бы они отрицали Побѣдоносцева. Хотя и между ними, говорятъ, нѣкоторые—за глаза и подъ шумокъ — безъ церемоніи величаютъ своего бывшаго прецептора и пожизненнаго диктатора—horribile dictu—«сатаною»... Но мы, русскіе, сострадательные психологи, у насъ необычайно развита страсть, надъ которою такъ издѣваются французы, искать жемчуговъ въ навозной кучѣ, послѣднихъ искръ добродѣтели въ сводни̇ѣ, цѣломудрія даже въ Ѳедорѣ Павловичѣ Карамазовѣ, щедрости даже въ Плюшкинѣ и человѣчности даже въ Побѣдоносцевѣ. Но—увы!—пресловутый девизъ Виктора Гюго «le beau c'est le laid» терпитъ на Побѣдоносцевѣ полнѣйшее пораженіе. Поверните вы Побѣдоносцева спереди, сзади, слѣва, справа, осмотрите его съ востока, юга, запада и сѣвера, — никакого beau онъ

предъявить не въ состояніи: со всѣхъ сторонъ—безобразіе лицемѣрной лжи, злости для злости, насилія, возведеннаго въ принципъ, глумленія и кощунства надъ святѣйшими чувствами, мыслями и правами человѣчества; со всѣхъ сторонъ—бюрократическій вампиръ, сосущій народную кровь и превращающій ее въ канцелярскія чернила. Мнѣ говорятъ: Побѣдоносцевъ безкорыстенъ. Въ переводѣ на россійскій обывательскій языкъ, эта аттестація обозначаетъ: Побѣдоносцевъ—не государственный воръ. Конечно, въ средѣ, гдѣ товарищами министровъ являются Гурки и К⁰, и гдѣ о самихъ министрахъ разсказываютъ легенды, будто — «заставили его икону цѣловать, что воровать больше не будетъ, а онъ въ это самое время съ иконы-то самый лучшій брильянтъ и выкусилъ»—конечно, въ такой милой средѣ «не быть воромъ»—качество уже исключительное. Но въ арабскихъ сказкахъ есть одна — о

судьѣ, который сдѣлался безкорыстнымъ, потому что получилъ во власть свою... золотую гору! Какой еще корыстности хотите вы искать въ человѣкѣ, столь удовлетворенномъ, что можетъ распоряжаться, по произволу, золотою горою? И аттестатъ ли безкорыстія—что, имѣя въ распоряженіи золотую гору, онъ еще и не мелкій воръ?... Притомъ, еще одно замѣчаніе о государственномъ безкорыстіи Побѣдоносцева. Такъ точно, какъ онъ, безкорыстны и воронка и ливеръ, которыми переливаютъ вино изъ бочки въ бутылки. Въ сихъ инструментахъ, вѣдь, на застреваетъ ни капли вина,—они все отдаютъ бутылкамъ. Но, въ результатѣ ихъ работы, бочка остается пустою досуха. Побѣдоносцевъ, можетъ быть, не грабилъ казну самъ, но уже одна близость къ Побѣдоносцеву обогащала сотни крупныхъ и тысячи мелкихъ піявокъ, присосавшихся къ русской казнѣ, и въ нихъ, какъ ливеръ въ

бутылки, переливалъ онъ всю жизнь свою народныя деньги. Побѣдоносцевъ былъ, есть и будетъ центромъ попрошаекъ, вожделѣющихъ государственнаго и общественнаго грабежа, искателей арендъ и доходныхъ мѣстъ, концессіонеровъ, субсидированныхъ опричниковъ отъ печати и опричниковъ просто, «контръ-революціонеровъ», раздающихъ народу патріотическія картинки, которыя типографіи стоятъ гроши, а государству обходятся рубль штука, людей, стригущихъ страну подъ предлогомъ, что защищаютъ самодержавіе, стригущихъ вѣру въ качествѣ ташкентцевъ православія, стригущихъ народъ во имя девиза «Россія для русскихъ». Я охотно вѣрю, что Побѣдоносцевъ презираетъ деньги. Кто же больше его видѣлъ, сколькой безмѣрной подлости и мрачной алчности они эквиваленть? Но, презирая деньги, онъ горстями швырялъ ихъ, какъ посѣвъ, на нивы самыхъ низкихъ, по-

шлыхъ, грубыхъ, темныхъ слоевъ своей родины, и страшные посѣвы всходили кровью раззореніемъ, муками и голодомъ русскаго народа. Пословицу, что «не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ», нѣмцы произносятъ: «не такъ страшенъ чортъ, какъ его малютки». Вотъ именно эта версія хороша для Побѣдоносцева. Самъ-то онъ, можетъ быть, и не государственный воръ, но побѣдоносцевскіе «малютки» ограбили Россію.

Говорятъ: Побѣдоносцевъ уменъ... Объ этомъ я даже и говорить не стану. Говорите о внѣшней наличности умственныхъ способностей, дозволяющихъ ему продѣлывать на показъ ту или другую сложную внѣшнюю форму софистической гимнастики, — это я пойму, это такъ. Но умный государственный дѣятель, направившій свою дѣятельность такимъ путемъ, что въ государствѣ развалилось все то, что онъ охранялъ? Умный человѣкъ, посвятившій свою жизнь

борьбѣ со всѣмъ, что мило и дорого человѣчеству, чѣмъ оно живо, на что возлагаетъ оно свои упованія? Умный человѣкъ, зачеркнувшій движеніе жизни и узаконяющій гнилое упокоеніе могилы? Умный человѣкъ, прославляющій глупость и невѣжество, какъ основныя опоры государства? Умный человѣкъ, мечтающій погасить солнце, любитель тьмы, способный цензурнымъ veto зажать творческое «Да будетъ свѣтъ!» даже въ устахъ своего Бога?!

Говорятъ: Побѣдоносцевъ человѣкъ нравственный. Я уже указывалъ выше, какое именно нравственное разложеніе внесла въ русское общество государственная дѣятельность высоконравственнаго г. Побѣдоносцева. Что Россіи въ томъ, что за спиною г. Побѣдоносцева не стоитъ какой-нибудь французской актрисы, балетчицы, либо даже какого-нибудь миньона, какъ—увы—слишкомъ часто случается въ нѣкоторыхъ, иногда даже

и близкихъ г. Побѣдоносцеву, вѣдомствахъ? Это все равно, какъ если бы ставить г. Побѣдоносцеву въ общественную заслугу аттестацію: «не пьющій». «По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй!» говорилъ дѣдушка Крыловъ, за что и ненавидѣлъ его учитель, изъ школы котораго вышелъ, какъ лучшій цвѣтъ ея... Павелъ Ивановичъ Чичиковъ: одинъ изъ типичнѣйшихъ предшественниковъ г. Побѣдоносцева по подлогу живыхъ душъ душами мертвыми! Пьетъ ли, не пьетъ ли г. Побѣдоносцевъ, путается ли онъ съ г-жами Балетта и иными подобными, живетъ ли въ аскетическомъ цѣломудріи,—что намъ? Это г. Побѣдоносцева личное, частное дѣло. Но не личное дѣло, а общественное преступленіе г. Побѣдоносцева—та его «высокая нравственность», что отталкивала отъ общества и ввергала въ позоръ прелюбодѣйную жену, которую пощадилъ отъ осужденія и камней Учитель, чьимъ любвео-

бильнымъ именемъ г. Побѣдоносцевъ, какъ хитрый узурпаторъ-самозванецъ, сталъ всесиленъ въ Россіи. Не личное дѣло, а общественное преступленіе—тѣ «внѣбрачные» младенцы, которыхъ онъ топталъ своею «высокою нравственностію» и истребилъ ихъ—о, гораздо больше! въ десять разъ, въ сотни разъ больше!—чѣмъ царь Иродъ въ Виѳлеемѣ. Не личное дѣло, а общественное преступленіе г. Побѣдоносцева—его противодѣйствіе разводу по взаимному соглашенію супруговъ, то есть его потворство фактическому разврату подъ номинальнымъ, потерявшимъ всякій смыслъ и вліяніе, покровомъ формальнаго благословенія церкви. Былъ ли на Руси когда-либо другой человѣкъ, внесшій столько несчастія, срама, оскверненія, сыскного позора въ русскую семью? Былъ ли въ христіанской исторіи другой фарисей съ поднятымъ камнемъ, болѣе готовый бросить его въ жертву—на

зло Учителю, котораго онъ цензуруетъ, какъ великій Инквизиторъ?.. Да, лучше бы онъ пилъ, какъ «Бурцевъ—ера, забіяка», лучше бы онъ держалъ гаремы и серали, лишь бы онъ не былъ тѣмъ, что онъ есть—Побѣдоносцевымъ, Анджело изъ шекспировской «Мѣры за мѣру». Потому что—публичные дома, переполненные обманутыми дѣвушками; игорные дома и кафешантаны, переполненные женами, гуляющими отъ ненавистныхъ «законныхъ» мужей, и мужьями, удирающими отъ ненавистныхъ «законныхъ» женъ; воспитательные дома, переполненные результатами всего этого полового хаоса—ни въ чемъ неповинными и на 90% обреченными на смерть младенцами,— вотъ они, результаты «высокой нравственности» г. Побѣдоносцева. Вотъ они! Morituri, te salutant! Гдѣ ты, вампиръ, тамъ — смерть! О, великій фабрикантъ ангеловъ, величайшій во всей вселенной! Слава тебѣ!.. Слава смерти и раз-

ложенію, которымъ ты служишь! Слава тебѣ!..

Довольно говорить о Побѣдоносцевѣ. Можетъ быть; оно и не довольно еще, но я не могу больше. И не потому, что нечего еще сказать. А потому, что руки трясутся, за горло судорога беретъ и—бѣшеный ужасъ встаетъ въ душѣ при мысли, что сорокъ четыре года жизни своей ты—стыдъ и горе тебѣ! — прожилъ подъ властью подобнаго чу... Я чуть было не написалъ: чудовища,— нѣтъ, въ томъ-то и оскорбленіе, что даже не чудовища, но—«чучела»: не чудовище, а чучело терпѣли мы надъ собою, россіяне!..

А—что «чучело Побѣдоносцева» и «власть» суть синонимы... вы еще сомнѣваетесь?

Я—нѣтъ.

За мою характеристику Побѣдоносцева меня, конечно, будутъ ругать. Быть можетъ, даже не только тѣ круги, для которыхъ Побѣдоносцевъ—россійско-византійскій папа

безъ конклава, намѣстникъ Бога на русской землѣ.

Съ этими послѣдними дураками, — да они же кстати, въ большинствѣ, и государственные жулики,—мнѣ говорить не о чемъ...

А прочимъ недовольнымъ—скажу одно:

— Милостивые государи! Я—ученикъ гимназіи Дмитрія Толстого, вдохновленной Побѣдоносцевымъ, я—студентъ университета, раздавленнаго Побѣдоносцевымъ, я—журналистъ въ печати, изнасилованной Побѣдоносцевымъ, я—членъ общества, обращеннаго Побѣдоносцевымъ въ публичный домъ... Милостивые государи! Я глоталъ Побѣдоносцева, какъ всѣ вы, день за днемъ, годъ за годомъ, десятилѣтіе за десятилѣтіемъ... И вотъ dixi et animam levavi... А помните, какъ Щедринъ переводилъ сіе изрѣченіе? «Dixi et animam levavi: сказалъ и стошнило меня»...

Тошнота отъ Побѣдоносцева не можетъ быть красива и благоуханна, какъ розы Альфреда де Мюссе.

И-все таки—одного вамъ всѣмъ желаю: чтобы всѣ вы ее ощутили!

31 декабря 1906 года.
Paris.

Е. АНИЧКОВЪ

ПОБѢДОНОСЦЕВЪ И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

ПОБѢДОНОСЦЕВЪ И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

Ровно четверть вѣка властвовалъ Побѣдоносцевъ надъ православной церковью въ качествѣ «добраго офицѣра», какъ назывался при Петрѣ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сvнода.

Двадцать пять лѣтъ осуществлялъ Побѣдоносцевъ этотъ знаменитый принципъ— «Явѣ бѣ здѣ, что коллегіумъ не есть нѣкая факція, тайнымъ и на интересъ свой союзомъ сложившаяся, но на добро общее повелѣніемъ самодержца, его же съ прочими разсмотрѣніемъ собранныя лица». И прин-

ципъ этотъ еще растетъ и еще болѣе давитъ. Централизація церковнаго управленія съ одной стороны, и подчиненіе ея чисто свѣтской власти—съ другой — все усиливаются. Онѣ продолжаютъ усиливаться и теперь, до самаго послѣдняго времени.

Въ 1888 году было циркулярно предписано секретарямъ консисторій непосредственно сноситься съ оберъ-прокуроромъ. Въ каждой консисторіи, такимъ образомъ, меньшій петровскій «добрый офицѣръ» получаетъ особыя полномочія. Онъ—ставленникъ и послушный слуга единаго набольшаго «офицѣра», держащаго въ своихъ рукахъ бразды управленія церковью. Церковь, какъ полкъ, оказывается объединенной одной властью. И развѣ такое положеніе вещей не должно теперь укрѣпиться этимъ предположеніемъ Предсоборнаго Собранія, по которому имущество, принадлежащее приходамъ, признается собственностью всей

православной церкви вообще, а приходъ получаетъ значеніе лишь управляющаго ввѣренной ему частью этого имущества.

Главной основой всего управленія православной церковью стало самодержавное усмотрѣніе. Вотъ, что называлъ Побѣдоносцевъ «наилучшими условіями для новаго и свободнаго выраженія коренного чувства народной души». *)

Самодержавіе для православія и православіе для самодержавія—къ такой двойственной формулѣ должна быть сведена вся политика Побѣдоносцева, какъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Сгнода, и пусть на его совѣсти останется вопросъ: что же собственно для чего? православіе ли для самодержавія или самодержавіе для православія.

---

*) Обзоръ дѣятельности вѣдомства Православнаго Исповѣданія за время царствованія Императора Александра III, стр. 1.

Срослись вмѣстѣ въ желѣзныя путы эти два принципа. Двадцать пять лѣтъ давили они и терзали святую Русь. Ни шелеста, ни звука. Звѣрскимъ гнѣвомъ гудѣли они, и отвратительно стлалось по лицу земли ихъ ядовитое шипѣніе. Падали мертвыми листья жизни. Затхлой водой текли рѣки. Смрадные и скучные потянулись 80-е и 90-е годы.

И вотъ, когда разсѣялся тяжелый туманъ и затрепетала жизнь—посмотрите: кругомъ, пустота. Ничего не осталось. Гдѣ само православіе? идите и ищите православную церковь!

И ея нѣтъ!

То, къ чему привела политика Побѣдоносцева, должно быть формулировано именно въ этихъ словахъ: «Нѣтъ больше православія». Если суждено Россіи когда-нибудь вновь стать «святою Русью», то прежде всего она не будетъ православной. Убито въ русскомъ православіи все, что еще оставалось въ немъ живого и плодоноснаго.

Мы слышимъ теперь и живыя слова изъ устъ православныхъ священниковъ. Заговорили и они въ общемъ хорѣ освободительныхъ рѣчей. Но вслушайтесь, что говорятъ эти люди въ рясахъ, переставши стоять у притолокъ самодержавныхъ канцелярій. Вдумайтесь въ рѣчи этихъ еще немногихъ служителей православія, нетерпѣливой рукой стершихъ со лба своего позорящую ихъ печать: полиція!

Мы слышимъ отъ нихъ о христіанствѣ. Ихъ влечетъ къ христіанскому соціализму. Но вы напрасно будете спрашивать ихъ о матери ихъ исторической церкви. Раздавлено и истерзано въ нихъ сыновнее чувство. Церковь для нихъ тамъ, впереди, далеко въ благородныхъ чаяніяхъ или позади въ лучезарныхъ первыхъ вѣкахъ христіанства, а русское православіе, эта сѣдовласая многострадальная церковь-матерь и питомица съ ея былыми мечтами о третьемъ Римѣ и

о своемъ священномъ преданіи, сохраненномъ въ чистотѣ и любви, къ ней уже совсѣмъ холодны сердца. Мачехой кажется она. Не забыто ея старое преступленіе—эта фанаріотски-сунодально-побѣдоносцевская ложь. И не осталось больше почти вовсе никакой надежды смыть эту пятнающую скверну: она зловѣще кровавится, и все сочится гной изъ ея ранъ, и нѣтъ къ ней любви, и нѣтъ ей прощенія.

Почему?

Потому что такой вышла она изъ рукъ Побѣдоносцева.

Потому что съ сухой страстью фанатика и маніака этотъ петровскій «офиціръ» лелѣялъ въ ея лонѣ именно вотъ старую заразу фанаріотски-сунодальной безстыжести.

Четверть вѣка болѣла церковь засѣченной рабой, и рабскія въ ней холились чувства и привычки. Кабатчикъ—церковный староста, всевластныя консисторіи—помойная яма до-

носовъ и кляузъ, семинаріи—безъ тѣни научнаго живого слова, какія-то арестантскія отдѣленія, воспитывающія сыщиковъ, монашествующіе архіереи, колѣнопреклоненные передъ губернаторами, а сверху канцелярщина сvнода, бездушныя и властныя предписанія, скверна, возсѣвшая на святомъ мѣстѣ соборности.

А среди всей этой мглы и стыти юркое, ехидное, бездарное, невѣжественное, человѣконенавистническое, изрыгающее запахъ застѣнковъ миссіонерство. Какъ въ волнахъ блаженства, ныряло и прыгало гадко кривляющееся миссіонерство съ своими палаческими ухватками и мыслями злодѣя въ этомъ хаосѣ безвѣрья и лжи, и росла ненависть отъ каждаго его прикосновенія, и сочилась кровь русскаго народа.

Духовные писатели любятъ жаловаться на холодность къ вопросамъ вѣры, и имъ

вторятъ позитивисты, празднующіе распространеніе раціонализма.

— Не стало Бога на Руси, — говорятъ одни — забыли Бога!

— Не надо намъ Бога, нѣтъ Бога—говорятъ другіе.

Но ширится и цвѣтетъ святостью по всему лицу русской земли живая вѣра народная. Она творитъ себѣ новыя формы; вдумчиво и искренне ищетъ она откровенія правды; возникаютъ новыя вѣроученія и зовутъ себя «евангелическимъ христіанствомъ», «духовными христіанами», «христіанской общиной всемірнаго братства», все болѣе сближаясь другъ съ другомъ и все болѣе чувствуя себя отдѣльными руслами одного общаго живого потока.

То, что было уготовано въ дѣлѣ обновленія вѣры въ XVII и XVIII вѣкахъ, все то, что звалось хлыстовствомъ, духоборчествомъ, іеговизмомъ или деснымъ брат-

ствомъ, пришедшимъ къ намъ изъ самой свѣтлой поры нѣмецкой реформаціи — баптизмомъ — все это претворилось и окрѣпло въ концѣ XIX вѣка въ Россіи.

Цѣлыя полчища мучениковъ питали эту живую вѣру своей желѣзной стойкостью и своимъ самопожертвованіемъ. Новыя Минеи-Четьи когда-нибудь возникнутъ, чтобы описать всѣ подвиги современной намъ народной вѣры. Нѣтъ, если брать весь русскій народъ цѣликомъ, а не только то, что называется обществомъ, если говорить о народныхъ массахъ, о всей всенародной и разноплеменной Руси, включая сюда и армянство, и татаръ и даже балтійцевъ, — то прійдется признать, что вся «та Россія не была и не стала безбожной въ XIX вѣкѣ. Она жадно искала Бога, она ласкала мысль о немъ въ сердцѣ своемъ, и оттого-то величайшіе писатели русской земли — Достоевскій и Левъ Толстой, такъ глубоко религіозны. Но

останься жить Достоевскій, безъ сомнѣнія, и онъ, какъ Левъ Толстой, повернулся-бы къ многообразной и обновляющейся живой вѣрѣ сектантовъ и дисидентовъ.

Среди свѣтлыхъ волнъ религіознаго воодушевленія застыло и замерло православіе въ цѣпкихъ пальцахъ кощея-Побѣдоносцева.

А надежда занималась и для православія. И оно могло-бы оживиться. И въ немъ зажурчали струи живой воды.

«Окружное Посланіе», казалось бы, должно было излечить его самую больную вѣковую рану. Ожидались братскія объятія послѣ долгой вражды. Расколовшееся на двое православіе, іосифлянское древнее благочестіе съ одной стороны и фонаріотская никоновщина—съ другой — готовились протянуть другъ другу руки. Ученіе объ Антихристѣ старовѣровъ было поколеблено. Гражданская власть въ ихъ глазахъ перестала ка-

заться «богоотчужденнымъ нѣкіимъ зерцаломъ». Господствующую церковь усумнились называть «блудливой Іезекіилью».

Вѣдь первоначальное пониманіе «Окружнаго Посланія» звучало именно такъ: нѣтъ антихриста, и, значитъ, никоніанская церковь можетъ быть истиннно православною.

Не надо, стало быть, сумрачной безпоповщины или безпросвѣтнаго отчаянія бѣгуновъ: священство не умерло. Оно живо у никоніанъ, и съ ними возможно возсоединеніе, а если оно возможно, то и желанно. Особенно, казалось бы, единовѣрческіе храмы могутъ широко открыть свои двери передъ пріемлющими священство. Здѣсь соблюдаются и «двуперсти» и «посолоніе», здѣсь старыя книги и древніе обряды. Почему же не расцвѣло единовѣріе? Почему примиряющія слова «Окружнаго Посланія» не привели къ братскому соглашенію?

Отвѣта надо искать все тамъ же. Онъ прозвучитъ все тѣмъ же именемъ, роднымъ сухой сунодальной канцелярщинѣ, именемъ терзавшаго церковь ея тирана, именемъ поставившаго ненависть на мѣсто любви,—Побѣдоносцевъ.

Само единовѣріе даже окончательно зачахло. Напрасно мечтало оно о переустройствѣ прихода, объ освобожденіи отъ православныхъ консисторскихъ путъ. Оно было приговорено прозябать, какой-то хитро-тупой ловушкой для приверженцевъ древняго благочестія, какой-то загнанной падчерицей православной церкви; и ничего не было ей дано; все осталось мертворожденнымъ и ненужнымъ.

Напрасно единовѣрцы изъ разныхъ мѣстъ Россіи, собиравшіеся на Нижегородской ярмаркѣ въ 1877 и 1878 г.г., просили,—и ужъ который разъ,—Святѣйшій Сунодъ предоставить единовѣрчеству больше правъ и

дать ему возможность непосредственно сноситься съ старовѣрами. Напрасно просили они,—и это самое главное,—чтобы Святѣйшій Сунодъ «нарочитымъ актомъ» «раскрылъ смыслъ клятвъ, положенныхъ московскимъ соборомъ 1667 г., и тѣмъ успокоилъ совѣсть, какъ всѣхъ находящихся въ союзѣ съ православною церковью на правилахъ единовѣрія, такъ и раскольниковъ, ищущихъ единенія съ православной церковью». Отвѣтъ былъ полученъ, разумѣется, самый отрицательный, повторена была только вновь казуистика отвѣтовъ московскаго митрополита Платона 1800 года. Опять было заявлено, что правила единовѣрія даны лишь «по снисхожденію православной церкви для облегченія отторгшимся отъ нея пути возвращенія въ лоно церкви».

Никакихъ поблажекъ. Подчиняйся и дрожи. Никакихъ словъ примиренія. Какъ выражается офиціальный документъ, это бы-

ло бы «вящшимъ облегченіемъ отщепенцамъ, упорствующимъ возвратиться въ нѣдра церкви». Злыя и неумныя слова!

И отсюда долгая борьба среди старовѣровъ противъ «Окружнаго Посланія». Отсюда образованіе неокружниковъ и дальнѣйшій разладъ и дальнѣйшая распря.

Пріемлющіе «Окружное Посланіе» готовы были взять назадъ ученіе объ антихристѣ, но именно фанаріотски-синодально-побѣдоносцевская церковь не хотѣла сдержать своей злобы, она не хотѣла взять назадъ это легкомысленно брошенное проклятіе 1667 года, хотя давнымъ-давно оно было признано роковой ошибкой въ самой строго-православной средѣ.

И тогда-то вошелъ въ силу другой выводъ изъ «Окружнаго Посланія». Онъ также прозвучалъ надеждой; но эта надежда, какъ всѣ прочіе порывы живой вѣры въ концѣ XIX вѣка въ Россіи, прозвучала те-

перь уже вдали отъ офиціальной церкви, прозвучала призывомъ: прочь отъ нея! подальше отъ нея! только бы не съ ней! Этотъ другой выводъ изъ «Окружнаго Посланія» говоритъ: Антихриста нѣтъ, но нѣтъ и русской православной церкви. Никоніанство не можетъ дать благодѣянія священства. Значитъ, должна быть основана полная и самостоятельная чисто старообрядческая іерархія. Вновь единственнымъ выходомъ была признана австрійщина, это бѣлокроницкое православіе, пастырей котораго долгіе годы мучило наше правительство въ казематахъ Суздальскаго монастыря. Австрійщина должна была оживиться, и никакіе происки русскихъ посланниковъ не могли остановить ея роста.

Какимъ-то злорадствомъ дышатъ эти заявленія офиціальнаго документа, описывающаго дѣятельность Побѣдоносцева при Императорѣ Александрѣ III, что двѣ трети

русскихъ старовѣровъ принадлежатъ къ австрійщинѣ, что этотъ толкъ старообрядчества всего ближе къ православію, но что именно поэтому «секта эта представляла весьма много затрудненій для православной церкви». Какая-то жестокая нелѣпость чувствуется въ преслѣдованіи именно австрійщины и всего упорнѣе и непримиримѣе, причемъ чуть-ли не покровительствомъ звучатъ слова о гораздо болѣе враждебныхъ православію толкахъ: о безпоповцахъ и бѣглопоповцахъ.

Одна часть вѣрующихъ отвергла ученіе объ Антихристѣ. Вмѣстѣ съ другою частью вѣрующихъ, съ той, которая осталась на лонѣ установленной церкви, всей душой стремится она забыть проклятіе 1667 года. Не надо больше ненависти,—говорятъ и съ той и съ другой стороны. И со стороны отколовшихся отъ церкви это говорятъ цѣлыя двѣ трети. Но они не хотятъ подчи-

ниться «петровскому офицѣру», каждый давитъ и оставшихся въ церкви; они хотятъ настоящаго, «живаго выраженія кореннаго чувства народной души», подчиняющагося, впрочемъ, цѣликомъ всему священному преданію церкви. И вотъ за это-то неподчиненіе «петровскому офицѣру» да пребываютъ они раскольниками, ересью, вредной сектой, пусть полиція врывается въ ихъ молельни, пусть въ развалинахъ падаютъ ихъ храмы, пусть священники ихъ называются лже-іереями, пусть, какъ преступники, должны они скрываться, а попавъ въ руки «офицѣра», итти на долгіе годы въ заточеніе, безъ всякаго суда, вѣчными узниками, сброшенными живыми въ могилу.

Въ 1892 г. Константинопольскій Патріархъ,— мы это знаемъ достовѣрно,— былъ готовъ признать духовный санъ основателя бѣлокриницкой іерархіи митрополита Амвросія и правильность совершенныхъ имъ

рукоположеній. Православные греки явились даже въ Москву съ проповѣдью примиренія. Фанаріоты какъ бы хотѣли загладить нанесенное ими при патріархѣ Никонѣ зло. Но на сторожѣ стояла канцелярщина. Заскрипѣли перья на Сенатской площади. Зашмыгали курьеры между министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и Святѣйшимъ Сунодомъ. И тамъ, въ Константинополѣ, русскій посланникъ Нелидовъ убѣждалъ патріарха отвергнуть просьбы добраго числа русскихъ вѣрующихъ людей.

«Петровскій офиціръ», дѣятельно занятый клеветой на русскихъ революціонеровъ въ Америкѣ и въ Европѣ, мечтавшій о возможности убѣдить иностранныя правительства выдавать русскихъ политическихъ бѣглецовъ, заставилъ почувствовать старовѣровъ, что рука его хватаетъ и за предѣлами русской имперіи.

Теперь кой-какіе робкіе и коварно неис-

кренніе шаги уже сдѣланы въ сторону примиренія русской государственности съ старообрядчествомъ. Ихъ перестали называть раскольниками, распечатали ихъ молельни, пообѣщали имъ разныя льготы, но вѣдь главнаго даже и не обѣщано. Побѣдоносцевская политика въ самомъ главномъ осталась въ силѣ. О возсоединеніи двухъ православныхъ церквей не идетъ даже рѣчи.

Льготы старовѣрамъ, — не надо забывать этого,—явились слѣдствіемъ лишь того, что министра внутреннихъ дѣлъ фонъ-Плеве плѣнилъ политическій консерватизмъ приверженцевъ древняго благочестія. Не изъ Синода, а изъ министерства внутреннихъ дѣлъ вышли обѣщанныя льготы. Не будущія судьбы православія, болѣе свѣтлыя, при забвеніи старой распри, явились руководящими въ дѣлѣ вѣротерпимости. Напротивъ, православіе, скованное оберъ-прокурорскимъ надзоромъ и руководительствомъ, тотчасъ же

стало вливать ядъ, тотчасъ же стало требовать ограниченій, даже преслѣдованій, и мы вернулись въ сущности вспять; все осталось почти по старому.

Эти перипетіи взаимныхъ отношеній австрійщины и государственной церкви ярче, чѣмъ что-либо, опредѣляютъ истинный характеръ всей двадцатипятилѣтней дѣятельности Побѣдоносцева.

Строятся великолѣпные храмы и въ Кіевѣ, и въ Москвѣ, и въ Прибалтійскомъ краѣ, и гдѣ-то далеко на сѣверѣ, у самаго полярнаго круга, и въ горныхъ мѣстностяхъ Кавказа, за первыя тринадцать лѣтъ побѣдоносцевскаго управленія церковью возникаетъ 143 новыхъ монастыря, число архіереевъ увеличивается на цѣлую дюжину, съ гордостью провозглашается о присоединеніи къ православію за пять лѣтъ какихъ-то двѣнадцать съ половиной тысячъ волынскихъ чеховъ, а въ самомъ сердцѣ Россіи без-

смысленное упорство и преступное властолюбіе не даютъ совершиться, наконецъ, послѣ столькихъ бѣдствій ставшему возможнымъ, церковному единству.

Блескъ только внѣшній. Жалкая позолота на поверхности. Пышныя фразы о «великомъ оживленіи церковной жизни». Раздуваніе въ историческое событіе какихъ-то усовершенствованій въ церковномъ пѣніи, какихъ-то полупризнанныхъ чудесъ и неудачныхъ мощей, а внутри гниль и разложеніе,—не только коснѣніе и застой, а еще отвратительная ложь, жестокость, распадъ и гибель всѣхъ надеждъ, окончательный упадокъ живой вѣры, истинная мерзость запустѣнія, вполнѣ очевидная для всѣхъ и несомнѣнная.

Укрѣпленіе раскола — вмѣсто сближенія, массовыя отпаденія отъ православія въ сторону евангелическихъ сектъ, развитіе баптизма и все возрастающее презрѣніе обще-

ства къ установленной церкви—вотъ, въ краткихъ словахъ, исторія православія за послѣднюю четверть вѣка; вотъ исторія дѣятельности оберъ-прокурора Побѣдоносцева.

И такъ во всемъ, чего только не касался Побѣдоносцевъ. Трупный запахъ шелъ отъ его дыханія. Смертью вѣяло отъ этого живого мертвеца. Упыри не только народная фантасмагорія.

Та же затхлая гниль и въ дѣятельности Святѣйшаго Синода по отношенію къ начальному образованію, этомъ мертворожденномъ введеніи пресловутыхъ церковно-приходскихъ школъ. То же можно сказать даже о «неисчислимыхъ царственныхъ милостяхъ по отношенію къ православному духовенству». Даже тутъ не достигнуто ничего. Не дошли до сельскихъ батюшекъ эти неисчислимыя царственныя милости. Такими же нищими и невѣжественными запуган-

ными и жалкими пережили они «эпоху великаго оживленія церковной жизни», какими были изстари. Даже хуже.

Но раньше, чѣмъ говорить о церковно-приходскихъ школахъ и судьбахъ приходского духовенства, было необходимо остановиться именно на этомъ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ древняго благочестія и фанаріотски-синодально-побѣдоносцевскаго православія. Восемнадцатый вѣкъ завѣщалъ возможность объединенія всѣхъ православныхъ въ одну церковь; сдѣлать это возсоединеніе возможнымъ, исправить роковую ошибку, обезвредить страшное проклятіе, вырвавшееся и съ той, и съ другой стороны—вотъ миссія, лежавшая на правителяхъ православной церкви въ концѣ XIX вѣка. Миссія — истинно историческая. Фанаріотство перестало давить. Константинопольская церковь съ своей стороны готова была взять назадъ тѣ свои требованія, которыя столь

ко зла причинили Россіи два вѣка тому назадъ. Казалось бы, неминуемо долженъ былъ окончиться фанаріотскій періодъ русскаго православія.

Задача, лежавшая на русскомъ церковномъ управленіи, была задача даже міровая. Ожидалось благо и ликованіе даже во всей вселенской восточной каѳолической церкви.

И ничего... Ничего, кромѣ злобы и лжи.

Петровско-сѵнодальное церковное управленіе русской церковью въ рукахъ Побѣдоносцева оказалось неспособно къ какому бы то ни было творчеству. Живыя струи насущныхъ церковныхъ потребностей замутилъ ищущій раздоровъ и требующій мертвечины подчиненія петровскій «офиціръ». Въ этомъ его преступленіе и передъ церковью, и передъ всѣмъ христіанствомъ.

И въ этомъ же и его безсиліе, потому что, если здѣсь въ предѣлахъ русскаго государства онъ продолжалъ карать австрій-

щину, если онъ могъ преслѣдовать ее и заграницей, что она все-таки росла, она все-таки развивалась и противъ его воли изъ отдѣльнаго теченія старообрядчества стала теперь настоящей его силой.

Но вотъ теперь отъ этихъ болѣе общихъ задачъ, которыя предстояло разрѣшить церкви, обратимся къ сравнительно мелкому, къ тому, что дѣлалось въ ней самой, въ самомъ ея лонѣ, обратимся къ ея домашней интимной исторіи въ «эпоху оживленія церковной жизни во всѣхъ ея сторонахъ и проявленіяхъ.»

У коренного православнаго духовенства были и есть три великія нужды: выходъ изъ подчиненія консисторскому усмотрѣнію и связанная съ нимъ реорганизація прихода. Это—разъ. Вторая—насущная потребность—въ образованіи. Священнослужитель стремился выйти изъ ветхой бурсацкой зубрежки къ свѣту просвѣщенія. Третья вели-

кая нужда—это избавленіе духовенства отъ необходимости быть своимъ собственнымъ сборщикомъ податей, отъ униженія вымогательства за требы, отъ этихъ пьяныхъ разъѣздовъ за подаяніемъ, раздражающихъ народъ и развращающихъ самихъ священнослужителей.

При Побѣдоносцевѣ консисторіи стали еще болѣе канцелярскими. Мы видѣли, что изобрѣтенъ былъ еще новый способъ доносительства. Якобы облагодѣтельствованный батюшка, жалкій и запуганный, остался тѣмъ же подневольнымъ и неизбѣжнымъ доносчикомъ и предметомъ доносительства, какъ и прежде. И даже больше. Рядомъ съ нимъ все увеличивалось количество начальства. Оно все продолжало запугивать и развращать его. Вотъ приносятъ въ деревни казарменно-полицейскіе нравы земскій начальникъ изъ прокутившихся офицеровъ и урядникъ, глупый унтеръ, спившійся съ

кругу семинаристъ или бывшій городовой. И со страхомъ озирается батюшка, неуклюже изгибаясь подъ лозой начальства, приказывающаго и требующаго, въ согбенной позѣ подчиненнаго, которымъ помыкаютъ каждая мѣстная и захожая власть. Билъ и бьетъ батюшка земные поклоны передъ консисторскимъ начальствомъ изъ чуждаго приходской жизни чернаго духовенства, кланяется направо и налѣво передъ администраціей, требующей отъ него на пользу себѣ моральнаго вліянія на населеніе, котораго—всякій батюшка это прекрасно знаетъ—онъ вовсе не въ силахъ оказывать, особенно потому, что это моральное воздѣйствіе сводится къ оправданію зачастую даже беззаконнаго насилія.

Моральное вліяніе! Да, конечно, его не могло быть. И въ полномъ отсутствіи его и заключается новый показатель внутренняго распада церкви. Нѣтъ у жалкихъ батюшекъ

ни знаній, ни увѣренности, ни убѣжденій, ни уваженія къ себѣ; нѣтъ словъ; нѣтъ мыслей; нѣтъ чувствъ. Откуда?..

Что дала семинарія, кромѣ бурсацкаго разгула, казуистики, схоластической выучки и пономарскаго четья-пѣтья? И посмотрите въ оффиціальномъ документѣ, великолѣпно описывающемъ подвиги православія въ эпоху его воображаемаго расцвѣта!.. Въ томъ отдѣлѣ, гдѣ повѣствуются синодальныя мѣропріятія по отношенію къ семинаріямъ, чуть не каждый параграфъ начинается словами «воспрещено». Воспрещали семинаристамъ отлучаться въ будни изъ семинаріи, воспрещали имъ читать книги, кромѣ тѣхъ жалкихъ учебниковъ и, такъ называемыхъ, религіозно-нравственныхъ пособій, которыя тамъ только и остались послѣ послѣдней уже побѣдоносцевской цензурной чистки. Что же мудренаго, что запуганными и ничтожными, въ какомъ-то туманѣ невѣже-

ства и умственной огрубѣлости выходили молодые батюшки изъ семинарій, что такими же, какъ ихъ застращенные отцы, вставали они еще изъ-за бурсацкихъ партъ, въ самой цвѣтущей молодости.

Все живое и юношеское, все, что было способно чувствовать и понимать въ семинаріяхъ и духовныхъ академіяхъ, все это и отварачивалось отъ церковности, все это искало отвѣтовъ на запросы въ свѣтской литературѣ, въ свѣтской средѣ, среди братьевъ и родныхъ, гимназистовъ и студентовъ, казавшихся и подъ палкой толстовско-деляновскаго режима такими свободными и начитанными, такими блестящими и полными надеждъ. Только два исхода питомцу семинаріи: либо смотрѣть на церковь, какъ на мачеху, явно или скрытно отчудиться отъ нея и, назвавъ ее «исторической церковью», возмечтать о христіанствѣ и отвлеченной церкви, соборуясь съ свѣтскими, расширять

свое сознаніе общимъ современнымъ умственнымъ достояніемъ, либо махнуть на себя рукой, на все свое развитіе, на искренность и продуманность своихъ знаній и убѣжденій, ринуться съ головой въ омутъ приходского прозябанія или еще — ну тутъ ждетъ столько поощреній — занять свое мѣсто расторопнаго раба среди рабовъ въ шеренгахъ подсинодальнаго — полицейски-церковнаго воинства, воинствующимъ и озлобленнымъ палачемъ ихъ преступниковъ, карать сектантовъ, интеллигентовъ, католиковъ и евреевъ. Гнить среди общаго гніенія, разлагаться въ общей повальной могилѣ или спасти свое духовное тѣло, выйдя изъ смрада и осторожно спасая себя отъ дыханія скверны.

Стать соратникомъ подсинодальнаго рабства, однако, лишь могло быть, конечно, выгодно. Такъ, напрасно офиціальный документъ говоритъ намъ, что было «обра-

щено особенное вниманіе на улучшеніе быта и матеріальнаго положенія духовенства».

Вчитайтесь въ отчеты Синода. Да, высшее духовенство, духовенство миссіонерствующее, нарочито посланное на обрусеніе эстовъ и латышей, на борьбу съ такъ называемымъ фанатизмомъ католиковъ въ западномъ краѣ, на искорененіе крамольниковъ-штундистовъ. Да, сдѣлаться синодальнымъ чиновниковъ въ столицахъ и провинціи, кормиться около семейныхъ раздоровъ, хлопотъ по смѣшаннымъ бракамъ, барахтаться въ тинѣ консисторскихъ интригъ—вотъ гдѣ выгода, вотъ та часть духовенства, которая, судя по отчетамъ,—и всѣ вѣдь знаютъ, что это такъ,—оказывается облагодѣтельствованной.

Но вѣдь изъ сорока тысячъ священниковъ какое огромное большинство сидитъ на тощихъ приходскихъ земляхъ, среди го-

лодающаго и обнищавшаго населенія! Вотъ, что сдѣлано для нихъ: подъ 1893 г. въ отчетахъ Святѣйшаго Синода значится, что «этотъ годъ былъ особенно счастливъ въ жизни духовенства»: счастливымъ онъ названъ потому, что тутъ впервые идетъ рѣчь «о назначеніи жалованія духовенству всей имперіи». Казалось бы, наконецъ! Казалось бы, вотъ насталъ выходъ изъ низости существованія на подаянія и вымогательства за требы. Святѣйшій Синодъ запрашиваетъ ежегодно 250 т. рублей, «дотолѣ, пока будетъ назначено содержаніе духовенству во всѣхъ епархіяхъ Россіи». Но опять громкія слова и ничтожество въ сути дѣла. Такъ характерно, что департаментъ государственной экономіи съ своей стороны сразу понялъ лживое ничтожество этой суммы, и кромѣ ежегодныхъ 250 т. рублей обѣщалъ оберъ-прокурору синода болѣе крупную сумму, если онъ ежегодно будетъ о ней ходатай-

ствовать... И четырнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ синодъ впервые озаботился о такомъ обезпеченіи сельскаго духовенства, которое уже давнымъ давно осуществлено въ маленькой и бѣдной единовѣрной намъ Греціи. Заботами департамента государственной экономіи, откровенно и дѣльно отвѣтившаго на гнусное синодальное велерѣчіе, Синодъ ежегодно получаетъ въ свое распоряженіе 500 т. р. Но гдѣ назначенія жалованья для духовенства всей имперіи? Четырнадцать лѣтъ прошло совершенно даромъ для достиженія этой цѣли. Какъ всегда—ничего.

Пусть подымутъ свои благодарные взоры сельскіе батюшки къ высотѣ синодальнаго престола, когда подъ громкимъ названіемъ: «заботы о назначеніи жалованія духовенству всей имперіи» въ ихъ тощіе кошельки попадаетъ кухарочное 10—20 рублевое жалованіе, и, какъ въ старь, пойдутъ они запрягать

свою лошадку, чтобы ѣхать за подаяніемъ,— вымогательствомъ въ нищія деревни своихъ приходовъ.

Побѣдоносцевымъ былъ, правда, измышленъ еще одинъ способъ кой-какого кормленія духовенства.

На офиціальномъ языкѣ этотъ способъ называется: «участіе духовенства въ дѣлѣ начальнаго образованія». Мы подошли теперь къ влившему столько яду въ русскую жизнь, вселившему въ народное сознаніе столько ненужнаго раздраженія вопросу о церковно-приходскихъ школахъ. Число церковныхъ школъ отъ 1881 г. до 1894 г. возросло съ 4,064 школъ до 31,835 шк. Казалось бы, вотъ хоть бы тутъ полный успѣхъ, вотъ здоровая дѣятельность, вотъ польза для населенія.

Повторять всѣ аргументы противъ церковно-приходскихъ школъ или хотя-бы то, что пробивалось въ печать противъ нихъ даже

сквозь совсѣмъ приплюснутую цензурой прессу—уже значило бы показать мнимость этихъ успѣховъ. Останемся, однако, на почвѣ интересовъ самой церкви. Только на ней. Ни шагу дальше. Пусть ни слова вообще о полезности для народа церковныхъ школъ. Воспользуемся свѣдѣніями только изъ одного синодальнаго источника, и вотъ даже тогда обнаружится воочію, насколько и эта дѣятельность руководимаго Побѣдоносцевымъ Синода была въ сущности дѣятельностью бумажнаго празднословія, ненасытнаго и нелѣпаго властолюбія и оттого на самомъ дѣлѣ дѣятельностью безплодной для тѣхъ задачъ, которыя были поставлены вначалѣ.

Мечтою Побѣдоносцева вѣдь было вовсе не основаніе новыхъ ста тысячъ начальныхъ училищъ. Ничего подобнаго. Мечталось ему, что можно будетъ принудить земство передать уже существующія школы въ церковно-

приходскія руки. Побѣдой можно было бы похвастаться только въ томъ случаѣ, если бы удалось убѣдить въ лицѣ земствъ само общество передать дѣло начальнаго обученія церкви. Но этого-то и не случилось. Даже реакціонныя земства, если и пошли на это, то немедленно разочаровались, и въ самомъ корнѣ придуманная Побѣдоносцевымъ реформа не удалась. Не удалась изъ-за недовѣрія къ высшему церковному управленію и тотчасъ же обнаружившейся его неспособности.

Не захотѣли. Просто не захотѣла вся Россія, не только либеральная, но и консервативная, имѣть дѣло съ Побѣдоносцевымъ. Это былъ настоящій личный провалъ, нѣчто въ родѣ голосованія недовѣрія. Сѣрые помѣщики, мѣщане и крестьяне немедленно поняли, насколько мало реформа Побѣдоносцева имѣла въ виду народное благо, насколько мало она была пригодна даже для

самаго укрѣпленія въ народномъ сознаніи устоевъ вѣры. Такъ сразу стало ясно, что земскія школы ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть названы разсадниками невѣрія, а вѣдь именно это-то и было главнымъ доводомъ, пущеннымъ въ ходъ Побѣдоносцевымъ. Замѣна земскихъ школъ церковно-приходскими представлялась слѣдствіемъ вотъ этого положенія. Но не убѣдить ложью даже такое забитое общество, какъ русское. Подставить ложь вмѣсто правды такъ заманчиво и такъ легко. Просто солгать. Коротко и ясно. Однако, повидимому, и для лжи нужно хоть какое-нибудь творчество, а не одно только внутреннее безсиліе.

И вотъ,—risum teneatis amici,—фантастическій поборникъ невѣжества, такой ненавистникъ всякаго образованія Побѣдоносцевъ подъ давленіемъ съ одной стороны нежелающаго имѣть съ нимъ ничего общаго населенія, а съ другой стороны—министер-

скихъ педагоговъ, ужаснувшихся отъ черезчуръ ужъ очевидной педагогической развязности Синода—становится распространителемъ просвѣщенія. Множатся церковно-приходскія школы, но не какъ замѣна свѣтскаго начальнаго обученія, а просто, какъ школы второго разбора, хуже поставленныя, чѣмъ земскія, навязанныя народу, стоящія на промежуточной стадіи между правильной земской школой и школой грамоты, маленькіе разсадники кой-какихъ элементарныхъ знаній, школы, что называется, хоть какія-нибудь, эти «все-таки» школы.

И въ офиціальныхъ отчетахъ Синода есть о нихъ очень любопытное признаніе: «Матеріальная необезпеченность народныхъ учителей, зависѣвшая отъ сравнительной скудости денежныхъ средствъ церковныхъ школъ, была причиною того, что учителя правоспособные не долго учительствовали въ церковныхъ школахъ и уходили на дру-

гія должности, сравнительно лучше вознаграждаемыя; посему за разсматриваемое время церковныя школы испытали недостатокъ въ правоспособныхъ учителяхъ».

Вотъ сквозь обычное бахвальство вырвавшееся признаніе своего безсилія въ самомъ главномъ. Опять внутреннее убожество при чисто внѣшнемъ и только кажущемся великолѣпіи. У церкви не нашлось людей способныхъ учить. Отчего? Отъ безденежья или отъ безлюдья? Не нужно особенныхъ усилій ума, чтобы понять, что основная причина именно—безлюдье.

Были бы у синодально-побѣдоносцевскаго православія люди,—люди вообще, люди въ составѣ администраціи, люди, какъ общество вѣрующихъ, прихожане и ревнители, живые люди въ качествѣ помощниковъ въ клирѣ и въ братствахъ, были бы, конечно, и деньги для школъ помимо лившихся сверху субсидій,

было бы тогда и предложеніе на мѣста учителей и уичтельницъ.

Безлюдье, осиротѣніе вообще отъ людей, отторженность отъ всего, что зовется человѣчествомъ, мрачное одиночество среди милліоновъ православныхъ — вотъ сущность всей исторіи, всей дѣятельности, всѣхъ неуспѣховъ и всего внутренняго гніенія православной синодально - побѣдоносцевской церковности.

И какъ жалко, такимъ наглымъ хвастовствомъ отзываются отчеты цѣлаго множества разныхъ обществъ, вызванныхъ къ жизни Побѣдоносцевымъ во всѣхъ концахъ огромной Россіи. Сколько ихъ? Какъ ихъ тамъ звать? По отчетамъ ихъ бы не трудно перечислить, но дѣло именно въ томъ, что никто о нихъ ничего не знаетъ, никто о нихъ никогда не слышалъ. Безлюдье и въ нихъ и около нихъ.

Такъ и видится большой столъ, покры-

тый зеленымъ сукномъ, старательно разложенные какимъ-нибудь чиновникомъ листы бумаги и тонко очиненные карандаши. Пахнетъ скукой какого-нибудь губернскаго учрежденія, и медленно съѣзжаются члены съ притворно улыбающимися лицами. Грузно возсѣдаютъ высшіе церковные чины, экзальтированные чиновничьи барыни, вице-губернаторы и директора гимназій. И тянется вялое, томительное переливаніе изъ пустого въ порожнее съ жалобами на безденежье, съ злобнымъ шипѣніемъ на крамолу, безъ проблеска мысли, съ занятыми изъ чужихъ рукъ проектами, безъ настоящаго желанія что-либо сдѣлать и съ застарѣвшей привычкой какъ-нибудь отписаться или отмолчаться, или привѣтствовать, или распалиться трескучей безсодержательной рѣчью, или состряпать доносъ, смотря по спеціальности каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ. Таковы люди, таковы и дѣла. Таковы они и въ об-

ществахъ разныхъ ревнителей православія, и въ епархіальныхъ и прочихъ училищныхъ совѣтахъ. Какъ въ провинціальномъ театрѣ тѣ же десять статистовъ входятъ и выходятъ, изображая войско, такъ людей въ церковномъ безлюдьи изображаетъ самое церковное начальство съ ничтожной кучкой другихъ чиновниковъ изъ тѣхъ, кого лѣнь, а иногда и честность взглядовъ не сподобили держаться въ сторонѣ отъ жалкой церковно-общественной стряпни.

Есть, впрочемъ, общественное дѣло при официальномъ покровительствѣ возможное и на безлюдьи. Мы воочію узнали эту возможность изъ успѣховъ «истинно-русскихъ» союзниковъ, истинная популярность которыхъ была такъ ярко засвидѣтельствована во время обѣихъ послѣднихъ предвыборныхъ кампаній.

Побѣдоносцеву принадлежитъ изобрѣтеніе этого рода общественной дѣятельности.

Какъ было бороться со штундой? Она растетъ и распространяется. Она глубоко противна «душѣ русскаго народа»; вѣдь «главную основу его жизни составляетъ православная вѣра и церковь съ ея установленіями»! Если растетъ и развивается штунда, очевидно, кто-то чужой пришелъ и приказалъ. Приказному уму русскаго чиновника свойственно за каждымъ явленіемъ учуять чье-то предписаніе, откуда-то исходящее и также начальственное. Только бы добраться до этого таинстваннаго крамольника, откуда-то посылающаго свои циркуляры! Народъ, конечно, противъ него. Можетъ ли русскій народъ не любить администрацію? Она вѣдь дѣйствуетъ въ духѣ народномъ,—такъ значится въ заголовкахъ наиболѣе тщательно переписанныхъ, къ наиболѣе высшимъ чинамъ обращенныхъ бумагахъ. Отсюда, если не удастся уничтожить крамольника, производящаго смуту, то стоитъ лишь,—и вотъ

тутъ-то единственно удавшееся изобрѣтеніе Побѣдоносцева,—«даровать наилучшія условія для живаго и свободнаго выраженія коренного чувства народной души».

Нужно открыть народу глаза, и пусть онъ самъ дѣйствуетъ. Дѣйствіе самого народа такъ, какъ понимаютъ это дѣйствіе «истинно-русскіе» люди, — вотъ созданіе Побѣдоносцевскаго генія. Соотвѣтственный способъ борьбы съ крамолой и былъ пущенъ противъ штундистовъ. Въ пограничныхъ мѣстахъ съ поселеніями штундистовъ выучилась полиція своевременно ничего не видѣть, не осмѣливаясь посягать на «живое и свободное выраженіе коренного чувства народной души».

Не надо удивляться, что монастырскія типографіи оказались фабрикой черносотенныхъ воззваній. Не надо удивляться связи легенды объ японскихъ милліонахъ съ твердынями православной церковности. Развѣ не

въ совершенно томъ же стилѣ, что и легенда объ японскихъ милліонахъ слѣдующее заявленіе «Обзора дѣятельности вѣдомства православнаго исповѣданія за время царствованія Императора Александра III», которымъ мы такъ часто уже пользовались. Въ отчетѣ о развитіи штунды читаемъ: «Отъ нѣмцевъ ждутъ они и освобожденія отъ того мнимаго политическаго и соціально-экономическаго гнета, въ которомъ будто бы держитъ ихъ правительство православной Россіи. Словомъ, штунда, подрывая основныя начала православной вѣры, подрываетъ также и основныя свойства русской народности. Даже болѣе, въ послѣдніе годы соціально-политическая сторона ученія въ штундизмѣ стала преобладать надъ религіозно-церковною». Чѣмъ отличается нелѣпость этого представленія штундистовъ какими-то измѣнниками своего отечества, готовыми передаться Германіи, отъ росказней о япон-

цахъ, подкупившихъ русскихъ революціонеровъ?

Чѣмъ отличается также іотъ такая прокламація о штундистахъ, которую распространялъ харьковскій архіерей, отъ болѣе современныхъ черносотенныхъ воззваній? Тѣ же безсмысленныя клеветы, тѣ же призывы къ насилію и правительственнымъ преслѣдованіямъ. Прокламація называлась «Проклятый штундистъ». Въ ней говорилось:

«Гремите церковные громы,
Возстаньте соборныя клятвы,
Разите анаѳемой вѣчной
Штундистовъ отверженный родъ.
Штундистъ разрушаетъ догматы,
Штундистъ отвергаетъ преданія.
Штундистъ порицаетъ обряды,
Еретикъ онъ проклятый штундистъ».

Но это слова. Познали штундисты на своей шкурѣ и соотвѣтственныя дѣйствія. Отвратительныя злодѣянія, вродѣ пытки М. А. Спиридоновой, впервые совершались въ

деревняхъ волостными старшинами и урядниками по отношенію къ штундистамъ при благосклонномъ одобреніи и попустительствѣ миссіонеровъ. Тамъ взлелѣянъ былъ впервые этотъ способъ борьбы съ крамолой. 11 сентября 1892 года Бабенецкимъ старшиною была изнасилована штундистка Ксенія Лисова. Въ томъ же году были избиты штундисты въ деревнѣ Кишиневцѣ, Уманьскаго уѣзда, Кіевской губ. 30 декабря 1899 г. въ селеніи Константиновкѣ, Херсонскаго уѣзда, Гурьевской волости произведенъ былъ погромъ въ домѣ Ѳедосьи Кучеренковой волостнымъ старшиною и урядникомъ. На пасху 1903 г. произведено избіеніе штундистовъ въ Бутурлиновкѣ, Воронежской губ. 7 февраля 1904 г. убитъ крестьянинъ Селянка въ мѣстечкѣ Вязовкѣ, Черкасскаго у., Кіевской губ., причемъ урядникъ отказался произвести слѣдствіе.

Не довольно-ли?

Нѣтъ, мало этого! Не надо забывать еще и славнаго Павловскаго дѣла.

Многіе, вѣроятно, помнятъ, что крестьяне-сосѣди Хилкова разбили церковь-школу и потомъ, въ свою очередь, были жестоко избиты окружающимъ населеніемъ. Въ результатѣ дѣло, слушавшееся въ Сумахъ 28 янв. 1902 г., и 44 челов. пошли на каторгу на 8, 12, 15 лѣтъ. Вотъ что пишетъ объ этомъ Павловскомъ дѣлѣ одинъ изъ очевидцевъ: «Когда былъ назначенъ въ Павловки новый священникъ, который сталъ еще несправедливѣе и придирчивѣе обращаться съ ними (штундистами), нѣкоторые изъ нихъ начали терять терпѣніе. Въ это самое время къ нимъ пришелъ какой-то странный человѣкъ, — если и не подосланный, то во всякомъ случаѣ умышленно допущенный къ нимъ правительттвомъ—и сталъ возбуждать ихъ къ открытому возмущенію противъ церкви».

— А, знакомое дѣло, скажетъ теперь всякій: провокація!

Излюбленный, а теперь и изощренный пріемъ.

Еще въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ вошло въ употребленіе избіеніе университетской молодежи при помощи всякаго сброда. Эта погромная и провокаціонная политика была усовершенствована, но она получила, такъ сказать, свою окончательную отдѣлку и литературную обработку именно по отношенію къ сектантамъ. На миссіонерскихъ и консисторскихъ прокламаціяхъ воспитывался административный и писательскій талантъ черной сотни. Онъ былъ взлелѣянъ на родимомъ гнѣздѣ Побѣдоносцевской церковности. Ненависть, глупость, ложь безъ зазрѣнія совѣсти, «ложь во спасеніе» — знаменитое словцо Побѣдоносцева — какая угодно жестокость, преступленіе на преступленіи и изувѣрство на изу-

вѣрствѣ,—такова выучка Побѣдоносцевской церковности и вѣры, и вотъ тотъ даръ, что принесли онѣ нашей государственности.

Гибло православіе въ костистыхъ пальцахъ кащея-Побѣдоносцева, и расползалась ядовитая мразь по всей Руси, и питалась ея соками безшабашная рать Половневыхъ и Крушевановъ, руководителей Парижскаго агентства, Никольскихъ и Илліодоровъ. И Илліодоръ, стоголовый и безголовый, изрыгающій скверну, кривляющійся шутъ съ чертовскими когтями на лапахъ и въ святительской рясѣ, сталъ единственной надеждой нашей синодально-побѣдоносцевской церковности, уже рухнувшей во прахъ, уже упавшей въ развалинахъ, уже обезсиленной своими неисчислимыми преступленіями...

Е. АНИЧКОВЪ.

